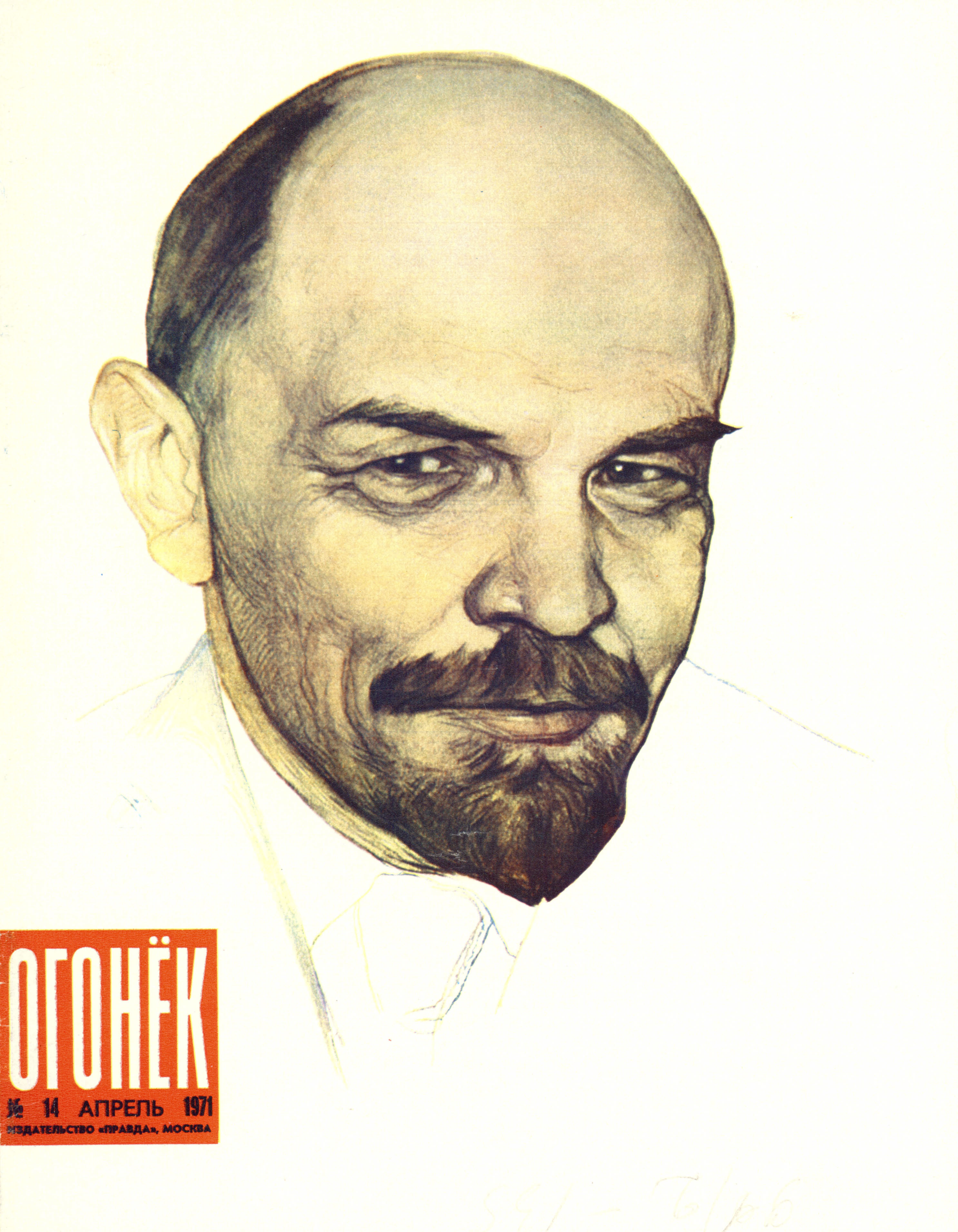

ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В МОСКВЕ, В СТОЛИЦЕ
НАШЕЙ РОДИНЫ,
30 МАРТА 1971 ГОДА
В КРЕМЛЕВСКОМ
ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ
НАЧАЛ РАБОТУ
XXIV СЪЕЗД
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА.

Москва. Кремль. Утро 30 марта 1971 года. Делегаты направляются на XXIV съезд КПСС.

«Товарищи! Наши возможности неисчерпаемы. Как никогда велика экономическая мощь страны. Новых высот достигли советская наука и культура. Несокрушимо морально-политическое единство нашего народа. Мы идем в одном строю с нашими социалистическими друзьями и союзниками. Крепнет наш боевой союз с революционными силами всего мира.

Мы знаем, что добьемся всего, к чему стремимся, успешно решим задачи, которые перед собой ставим. Залогом этого были, есть и будут творческий гений советского народа, его самоотверженность, его сплоченность вокруг своей Коммунистической партии, неуклонно идущей ленинским курсом.

Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — партия Ленина, боевой авангард всего нашего народа!»

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 14 (2283)

4 АПРЕЛЯ 1971

БОЕВОЙ АВАНГАРД НАШЕГО НАРОДА

Кремлевский Дворец съездов. 10 часов утра. Горячими аплодисментами встречают делегаты и гости членов Политбюро Центрального Комитета КПСС.

В зале присутствуют делегации зарубежных коммунистических, национально-демократических и левых социалистических партий.

С большим вниманием делегаты и гости слушают вступительную речь члена Политбюро ЦК КПСС товарища Н. В. Подгорного.

По поручению Центрального Комитета КПСС товарищ Н. В. Подгорный объявил XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза открытым.

Товарищ Н. В. Подгорный сообщает, что на XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза избрано 4 963 делегата, в том числе 4 740 — с правом решающего и 223 — с правом совещательного голоса.

Для участия в работе XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза прибыла 101 делегация коммунистических, национально-демократических и левых социалистических партий из 90 стран мира.

— От имени делегатов нашего съезда,— говорит товарищ Н. В. Подгорный,— всех советских коммунистов сердечно приветствуем наших друзей и боевых соратников по борьбе против империализма, за свободу и счастье народов. Мы глубоко признательны Центральным Комитетам ваших партий, дорогие товарищи, за то, что они приняли наши приглашения и направили своих представителей для участия в работе XXIV съезда КПСС.

Товарищ Н. В. Подгорный предлагает почтить минутой молчания память товарищей, погибших и умерших за время, прошедшее после XXIII съезда КПСС.

Все встают.

Делегаты приступают к формированию руководящих органов съезда — к выборам Президиума, Секретариата, Редакционной и Мандатной комиссий.

— Вчера,— говорит тов. Н. В. Подгорный,— состоялось заседание Совета представителей делегаций партийных организаций республик, краев и областей. Совет выработал и вносит на ваше рассмотрение предложения по составу руководящих органов съезда.

По предложению Совета представителей делегаций единогласно избираются Президиум, Секретариат, Редакционная и Мандатная комиссии съезда.

Тов. Н. В. Подгорный предлагает утвердить порядок дня и регламент работы съезда.

Утверждается следующий порядок работы XXIV съезда КПСС:

1. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС — докладчик Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.
2. Отчетный доклад Центральной Ревизионной Комиссии КПСС — докладчик Председатель Центральной Ревизионной Комиссии тов. Г. Ф. Сизов.
3. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы — докладчик Председатель Совета Министров СССР тов. А. Н. Косыгин.
4. Выборы центральных органов партии.

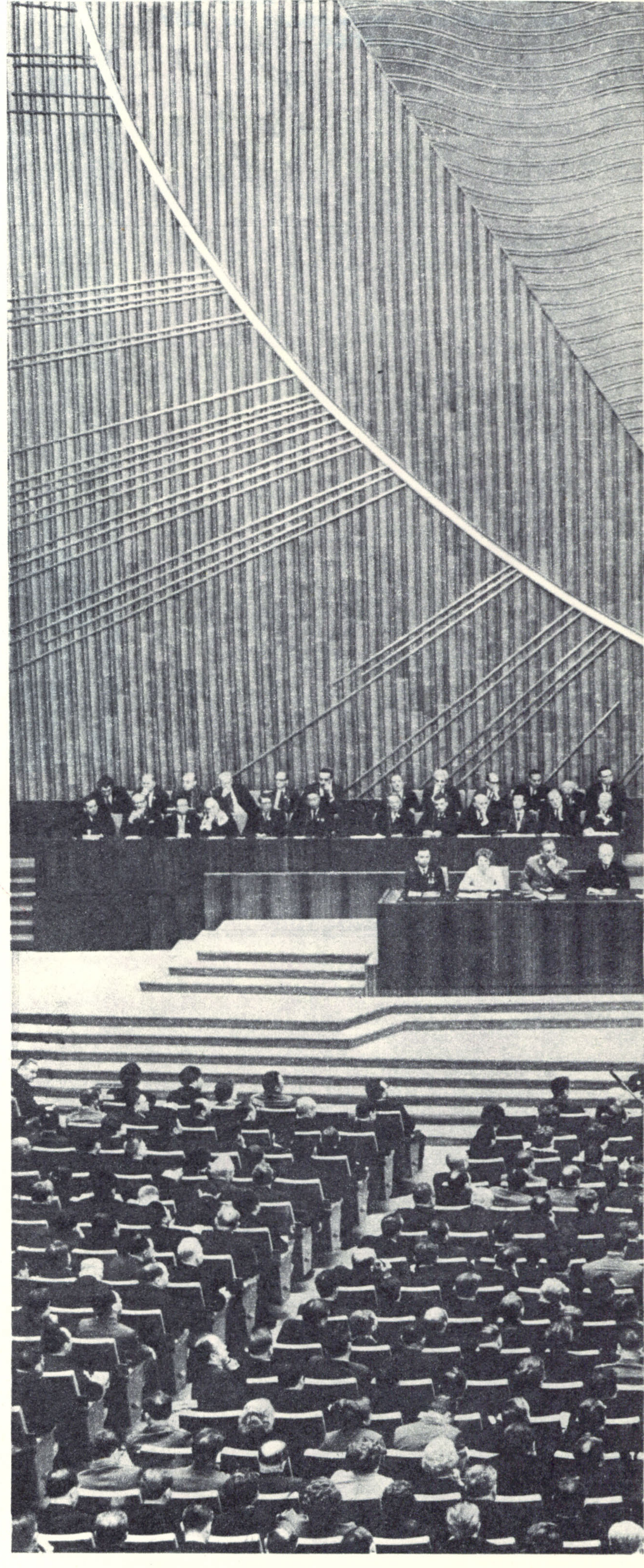
Съезд приступает к рассмотрению первого вопроса порядка дня съезда.

Тов. Н. В. Подгорный предоставляет слово для Отчетного доклада Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Генеральному секретарю ЦК товарищу Л. И. Брежневу.

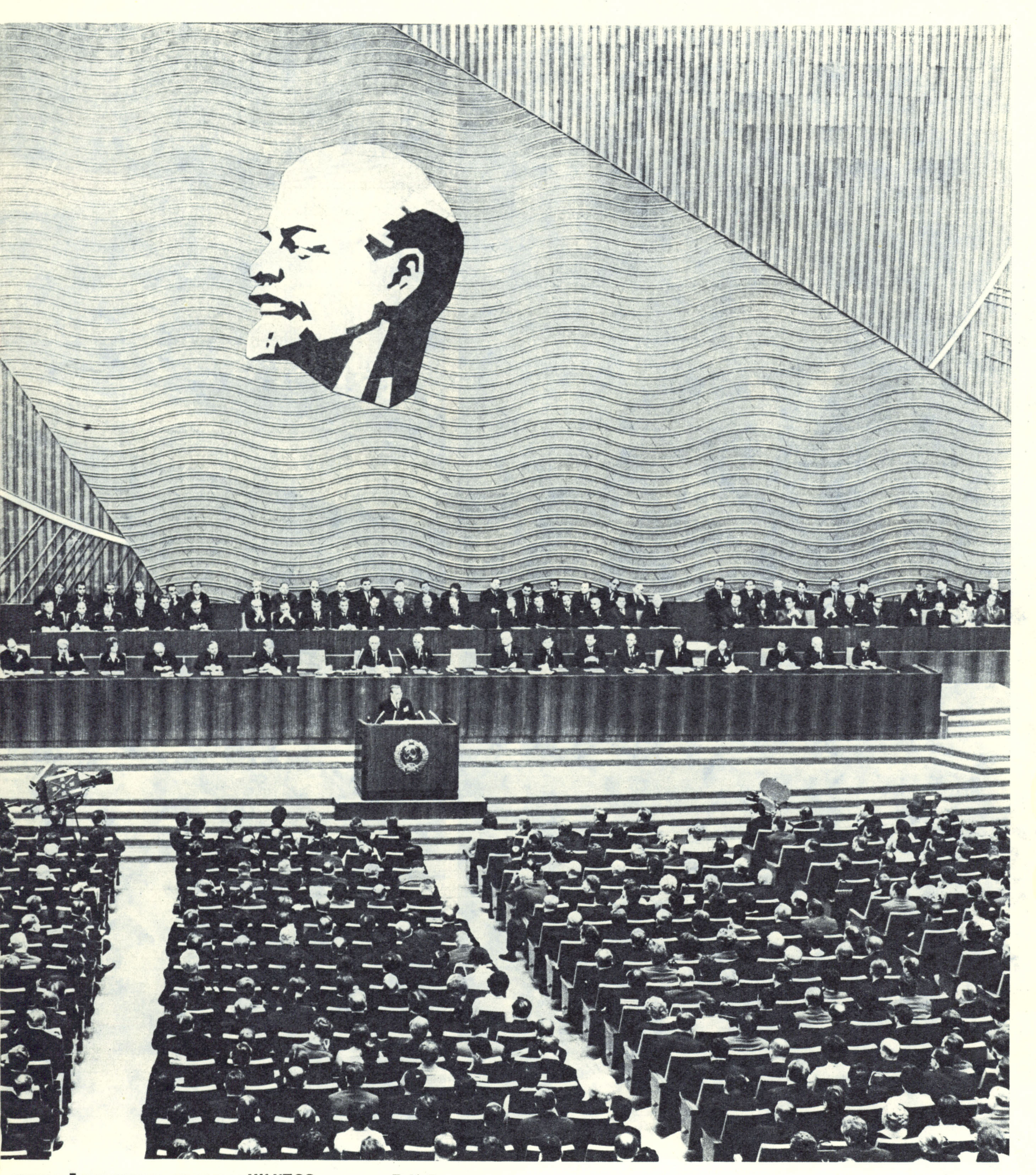
Делегаты и гости встречают товарища Л. И. Брежнева бурными, продолжительными аплодисментами. Все встают.

Доклад товарища Л. И. Брежнева был выслушан с огромным вниманием и неоднократно прерывался аплодисментами.

Доклад окончен. Возникает овация. Все встают. Раздаются здравицы в честь Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинского Центрального Комитета. Многократно повторяемые под сводами зала, звучат возгласы: «Ура! Слава!»

Москва. Кремлевский Дворец съездов. Делегаты слушают

доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА.

С докладом выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

В кулуарах съезда.

ВЕЛИКАЯ ВЕСНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Николай ТОМСКИЙ,
Герой Социалистического Труда,
Президент Академии художеств СССР,
делегат XXIV съезда КПСС

В эти мартовские, светлые, насыщенные торжественным ожиданием и великим творческим горением дни я с особенной ясностью и объемностью увидел наш мир, нашу землю. Скорее, два мира...

Всем своим существом, всей душой я услыхал мерное биение пульса моей Родины, уверенную поступь строителей завтрашнего дня. Я будто услышал, как растет молодая трава в раздольных южных степях, почуял запах весенних дождей и распаханных полей, свежесть и аромат цветущих садов. Я ощутил могучее дыхание гигантских домен, мой слух уловил неумолчный гул огромных турбин Братска, увидел белоснежные массивы новых жилых кварталов, поющий кумач алых стягов. Я услышал счастливый смех детей, свободные песни народа, идущего в Завтра!

...Вдруг в мое сознание ворвался скрежет изуродованного металла, вой бомб, стоны людей, обожженных напалмом. Зримо осязаю грозное напряжение словно отлитых из бронзы патриотов Вьетнама, вижу их чеканные, гордые лица, озаренные огнем сбитых «боингов» и «фантомов». Передо мною бегут ошалевшие от страха вояки, воровски напавшие на свободную землю Камбоджи и Лаоса. Я ощущаю гарь сожженных селений, я слышу плач матерей, вижу кровь ни в чем не повинных людей. В какой-то миг внезапно наступившей тишины в черной бездне молчания я отчетливо услыхал тихий плач ребенка...

В какие бы мудреные одежды ни рядились все эти «эскалации» и «деэскалации», «вьетнамизации», «доктрины Никсона» — за всем стоит смерть! Кровь и смерть! Хищный оскал империализма.

Передо мною возникают колкие силуэты небоскребов, бетонные ущелья страны Желтого Дьявола, где стелется запах смерти. В узких каньонах улиц бушует море страха и ненависти. Сладкий дурман марихуаны и героина спасает лишь на миг от проклятия власти капитала. Вижу негритянские гетто, слышу крики негодования и боли, ощущаю горячее дыхание возмущенной и обманутой юности. Я зрю пустые глаза демагогов-конгрессменов, расистов и «ястребов» Пентагона — слуг Золотого Тельца.

ВЕЛИКАЯ ВЕСНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Если нам не удастся разорвать этот дьявольский круг угнетения, можно опасаться, что грядущая эра Америки омрачится тенью фашизма. — Я отчетливо слышу эти слова и вижу словно изваянное из драгоценного агата скорбное, прекрасное лицо Анджелы Дэвис — дочери Америки, коммунистки.

...В эти весенние мартовские дни, читая строгие, чеканные строки проекта Директив, с необычайной остротой ощущаешь ход мировой истории, неумолимую логику победоносного шествия социализма по нашей планете, великую созидательную роль нашей Родины. Изучая текст Директив, зримо ощущаешь, какой огромный шаг вперед сделала наша экономика, как выросло благосостояние народа, какой качественный рост произошел у нас в науке, технике, культуре. И главное, что ясно видна устремленность задач, поставленных партией,— все для человека! Все во имя блага народа!

...Огромен, неохватен путь, проделанный нашей Отчизной со дня победы Октября, с того дня, когда великий Ленин провозгласил начало новой эры в истории человечества. Я ровесник века, и мне посчастливилось встретить 1917 год взрослым парнем и через короткое время с оружием в руках встать на защиту Советской власти от беляков и интервентов. Многое в жизни я повидал и запомнил. Но один день мне особенно памятен.

1918 год... Весна... Село Рамушево, Старорусского района. Новгородская земля, былинная, древняя. Высокое небо с каменными валунами облаков. Мы стоим с отцом у порога кузницы. Окончен рабочий день. Тихо... Мы любуемся бирюзовой гладью воды родной Ловати. Вдруг тишину разорвал незнакомый звук, сперва тихий, а потом нарастающий рокот. И вот над нами, чуть не задев крыльями колокольню, пролетел самолет... Первый, который увидела наша земля, а значит, и мы. Маленький, сшитый чуть ли не из фанерок, он показался нам сказочной птицей... Мы долго глядели ему вслед, пока аэроплан не скрылся за синим дальним лесом.

Отец мой — кузнец, складный богатырь, с темным, опаленным жаром горна лицом, на котором, словно васильки, цвели ясные глаза,— положил мне на плечо тяжелую руку.

— Боже милостивый,— промолвил он, и я увидел на его глазах слезы. — Человек-то, как птица, летает, что же будет дальше, вот бы дожить...

Мы глядели в безбрежное небо. Великая тишина русского приволья окружала нас... Могли ли мы мечтать, живя в селе, где коптила лучина и где мужик пахал землю сохой, что меньше чем через полвека русский коммунист Юрий Гагарин п е р в ы й среди сынов Земли взлетит в космос...

Первый в мире... Сколько раз за годы нашей жизни мы слышали эти слова и, откровенно говоря, может быть, несколько привыкли к великому значению этого понятия.

Крупнейшие в мире гидроэлектростанции, мощнейшие синхрофазотроны, домны, самолеты... Наши богатыри Василий Алексеев и его товарищи — сильнейшие люди в мире. Наши гимнастки — самые грациозные и гармонически развитые девушки. Наши музыканты, певцы и балет покорили планету.

Все эти победы в области экономики, науки и техники, культуры стали для нас привычными и само собой разумеющимися. Мы забываем порою, что эти вершины достигнуты нами вопреки жестоким войнам, непризнанию, блокаде, разрухе, вопреки скепсису и проклятиям...

Я смотрю в лилово-синее ночное небо и вижу, как над черным частоколом крыш и телевизионных антенн встает молодой месяц, и вмиг представляю, как в необозримой космической дали, на Луне, работает наш советский луноход, чудо электронной техники — «работяга», как его любовно зовут в народе. Наш луноход не гость, это труженик, пробивающий дорогу мировому прогрессу. И когда я впервые увидел на голубом экране телевизора «команду управления» луноходом, я был поражен молодостью этих красивых парней. Не жюльверновские бородачи, а наша советская молодежь управляла этим чудом современной науки и техники.

Молодежь... Наша надежда. И она оправдает нашу заботу о них. Они не знают страшных язв мира капитализма — социальной несправедливости, нищеты, голода, безработицы и бесправия...

Новый человек! Вот величайшее достижение нашей эпохи. Он рожден нашей верой в светлое будущее, он рожден новыми, социалистическими отношениями. Наш советский человек — хозяин своей страны. Он спокоен и тверд. Он уверенно смотрит в светлое коммунистическое завтра. Он любит свою Родину и готов защищать ее. Но он уважает другие страны и народы. Он интернационалист!

Новый человек... Его воспитала партия. Он коммунист, он всегда впереди. Его чаяния и заботы — это благо народа...

* * *

...И вот день настал!

30 марта. Москва радушно встречает открытие съезда. Высокое, без единого облачка небо. Яркое, весеннее солнце горит на кумачовых стягах.

В 9 часов утра я вышел из дома. Площадь Пушкина... У подножия памятника на полированном граните — цветы. Гвоздики, фиалки, мимозы... Сколько добрых чувств рождает памятник Пушкину! И как не вспомнить здесь о великой воспитательной роли искусства и как еще раз хочется вспомнить заветы Ленина о монументальной пропаганде...

Высоко в лазоревом небе ведут хороводы голуби. Важные мамы гордо вышагивают со своими малышами. Птичий гомон говорит о побеждающей весне. У памятника людно. Это — любимое место встреч друзей, влюбленных, туристов.

Страстной бульвар. На горизонте стрельчатый силуэт высотного дома. И, словно набросанные, параллелепипеды нового проспекта Калинина. Москва не устает строиться. Высоко в небо тянут свои гусиные шеи краны. Здесь будет возведено здание Московского Художественного академического театра.

Улица Горького. Она украшена флагами, транспарантами. «Слава великому советскому народу — доблестному строителю коммунизма!» — начертано на огромном плакате...

Шумит, шумит праздничная Москва...

Моссовет... Исторический дом. С балкона этого здания четыре раза выступал Владимир Ильич Ленин. Об этом говорит барельеф с датами выступлений. Люди останавливаются у другого рельефа, читают высеченные слова: «В этом здании в октябре 1917 года работал Военно-революционный Комитет — штаб вооруженного восстания в Москве».

Как нужны, как жизненно необходимы нам эти свидетели великой истории, как они еще и еще раз напоминают нам о задачах монументальной пропаганды!

Весенний ветер колышет огромные красные стяги...

...Красная площадь. Поющий ансамбль Кремля. Исторический музей. Гулкая брусчатка главной площади Нового мира. На высоких флагштоках развеваются шелковые яркие флаги братских республик.

Мавзолей... Десятки венков с алыми лентами — дань любви и признательности великому вождю революции от народов всего мира. У полированных гранитных стен Мавзолея застыли часовые...

Рассыпалась трель курантов. Эти часы отсчитывают ход истории. Стройные седые ели у древних стен Кремля.

Красная площадь... Она сегодня принимает делегатов XXIV съезда партии. Они проходят мимо трибун — свидетелей многих великих событий из истории страны социализма.

Кремль... Горят в лучах утреннего солнца белокаменные золотоголовые храмы, бережно оберегаемые народом, партией. Древние очевидцы древней летописи Руси. Какое счастье, что Владимир Ильич в суровые двадцатые годы завещал партии беречь как зеницу ока нашу старину...

Делегаты съезда со всех концов нашей необъятной земли, гости из братских социалистических стран, представители трудящихся пяти континентов собрались под высокими сводами Дворца съездов. Звучит многоязычная речь. Встречаются старые друзья, соратники, строители новой эры.

Торжественные минуты открытия... Гром оваций. Единодушие, подъем, высокое чувство ответственности перед народом, историей. Все слилось в этом дружном порыве чувства радости и гордости за силу, которая в предельно короткий исторический срок изменила лик Земли, ход ее истории.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева перед нами встала величественная картина героических свершений советского народа, ведомого партией по пути к коммунизму.

Мы увидели грандиозную панораму жизни нашей страны, глубже поняли ход развития международных отношений, поняли во всем объеме задачи, стоящие перед нами.

Коммунисты — будущее планеты, это им вручена судьба великой весны человечества!

А. Плотнов (Москва). МИР НАРОДАМ!

Л. Фаттахов (Казань) УТРО СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА.

Михаил ВЛАДИМОВ

СКВОЗЬ ВРЕМЕНА

СТАХАНОВ

В корреспондентской судьбе моей
День любопытней дня.
Командировка в Донецк в музей
На днях завела меня.
Все здесь — камни, бои, века —
Научно застеклено.
А память вдруг меня за рукав:
«Центральная-Ирминó!»
— Центральная-Ѝрмино! — строг и сух,
Поправил экскурсовод.
И маленький стенд, отсветив, потух...
Но память, как вспышка, бьет!
«Стаханов!» — было как зов, как горн.
И каждый знал назубок,
Сколько за смену давал он тонн,—
Горняк рубал уголек.
Движенье зрело, движенье шло,
Как в море идут круги,
Вскипало сталью,
Током текло,
Плавило ледники.
Он был символикой. Как звезда.
Как герб. Как прямой маршрут.
Он был романтикой, навсегда
Сродненный со славой труд.
И был он грамотой на стене
И премией был отца,
Игру «Конструктор» купившего мне
Последнего образца...

Сперва в музее был целый зал,
Потом — один уголок.
Стихала слава. А он рубал.
А он рубал уголек.
Рубал в забое, рубал, учась,
Чтоб стать у штурвала шахт.
Совсем он сед, говорят, сейчас.
Не скор, говорят, шаг.
Но то движенье сквозь времена
Идет, как в море круги.
И всходят новые имена
Для самой красной строки.
Бывал в тени... И что ж? Ничего!
Эпоха осталась — за!
И с грамот смотрит имя его
Честно стране в глаза!

СТАРЫЙ МАРШ

Гей, музыканты!
Где ваши ноты?
Ждет вас сегодня
Много работы.

Ну-ка, в сторонку
Шейки да «битлы»!
Марш заиграйте,
Старый, забытый.

Смяты страницы
Ветром атаки,
Пулей пробиты
Нотные знаки.

Он против контры
Шел, наступая,
В кожанке Щорса,
В бурке Чапая.

Жил он в окопе,
В танке и в Ставке.
Так почему же
Был он в отставке?

Старого марша
Нам ли стыдиться?
Всем, что нам свято,
Будем гордиться.

Гей, музыканты!
Сил не жалейте.
Радость до края
В сердце налейте!

Пусть подпоет нам
Новый наш маршал:
Он ведь ровесник
Старого марша.

Пусть подпоют нам
Братья по классу,
В ногу шагая
Маршу согласно.

Срыты окопы,
Списаны танки...
Старому маршу
Нету отставки!

ДЕЛЕГАТЫ

Отгремели Революции набаты.
Славу жизни пели горны и стихи.
Зал партсъезда заполняли делегаты
От винтовки,
от станка
и от сохи.

Зрела партия, врагов своих сметая,
Закаляла, словно сталь, себя в огне.
И ступени пятилеток вырастали,
Крылья планов привыкали к вышине.

О романтика двадцатых и тридцатых!
Вышки, стрелы, трубы — в синь небес!
Зал партсъезда заполняли делегаты
От конвейера,
от трактора,
от ГЭС.

Время снова отдавало эстафету
Лет строительных годам пороховым...
Коммунисты умирали у лафетов,
Шли к победе по дорогам огневым.

Поле боя воскресало полем жатвы.
Карта строек стала картою страны.
Зал партсъезда заполняли делегаты
От плотины,
врубмашины,
целины.

Закипало трудовое нетерпенье,
Нам открылся мир глубин и царство звезд.
Пятилетки продолжались, как ступени...
Мы сегодня — на девятой, в полный рост!

Фантастический размах семидесятых —
Ты реальность наших планов и проблем.
Зал партсъезда заполняют делегаты
От комбайна,
от ракеты,
ЭВМ!

Леонид ЛАПЦУЙ

ПЕСНЬ ПРЕОБРАЖЕННОГО СЕВЕРА

И в небесах звезда ночная
о чем-то о своем поет.
И ручеек, не умолкая,
свою мелодию ведет...

Но есть у нас такая песня,
широкая, как будто Обь,
переплетаются в ней тесно
и труд,
и радость,
и любовь.

Страданий знали мы немало,
и старых песен не стереть...
Но песню нового Ямала
нам посчастливилось запеть!

И стала наша жизнь чудесней
средь просветленных мирных дел.
Взлетает знамя, словно песня,
которую Ильич запел!

И под ямальским небом синим
живу и дружбу берегу.
Без теплоты моей России
я, как без песни, не могу!

Перевел с ненецкого
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

Салехард.

Они строили новый главный производственный корпус завода торгового магазинного оборудования. Справа налево: бригадир Ю. Кириченко, монтажники Р. Карасенко и И. Письменицкин.

Фото Е. Недери.

ЗАВОД МАГАЗИНОВ

А. МИХАЙЛОВ

Азову, городу на донской земле, десятое столетие. А завод, который строится здесь сейчас, совсем юный. Он начинал свою жизнь в минувшей пятилетке, а ныне строительство развернулось вовсю.

Гудит мощный бульдозер, старательно сметает со двора снежные валы. Да, собственно, и двора-то тут нет. Узкие проходы, тесные, сгрудившиеся деревянные постройки — это вчерашний день. А в стороне возвышается новый мощный заводской корпус — это завтрашний день Азовского завода торгового оборудования «Главснаба» Министерства торговли РСФСР. Несколько лет назад в этом рыбацком городе была маленькая промысловая артель — делали ящички для рыбы. Потом артель превратилась в небольшой цех мебельной фабрики, а сейчас преображается в крупнейшее в Российской Федерации предприятие, выпускающее торговое магазинное оборудование.

В проекте Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану записано: «Расширять торговую сеть, обратив особое внимание на оснащение предприятий торговли современным оборудованием». Эти слова прямо адресованы и азовчанам. Обсуждая проект Директив XXIV съезда КПСС, они горячо одобрили его и внесли в свои планы коррективы.

Осматриваешь строительную площадку, главный производственный корпус, строительство которого завершается, беседуешь с инженерами, рабочими и убеждаешься, что завод, по сути, сооружается заново. Об этом же говорил мне начальник техотдела и секретарь партбюро завода Николай Михайлович Мудров. Сейчас производственная площадь завода — полторы тысячи квадратных метров,— сообщил начальник «Главснаба» С. А. Стрельников.— А когда строительство завершится полностью, цеха и службы завода займут тринадцать тысяч квадратных метров. Цеха будут оснащены новейшим оборудованием: автоматами, современными прессами и другой техникой.

Завод уже выпускает оборудование для продовольственных и промтоварных магазинов самообслуживания. В годы девятой пятилетки объем производства значительно вырастет. Оборудование для магазинов будет отвечать самым современным представлениям о торговых предприятиях.

Строители стремятся быстрее завершить свое дело. Хорошо работают монтажники из трестов «Юговостоктехмонтаж» и «Стальконструкция».

К концу девятой пятилетки завод ежегодно будет выпускать столько комплектов оборудования, что его хватит для полной экипировки почти шести тысяч новых магазинов.

Семен ДАНИЛОВ,
делегат XXIV съезда КПСС

Я радость познавал...

* * *

По жизненной тропе
Я груз несу нелегкий:
Я мыслю о тебе,
Потомок мой далекий.

Мне пот слепит глаза,
Но тороплю я сроки:
Сквозь мари и леса
Тебе торю дороги.

Тот путь —
Длиною в жизнь —
Не вольное скольженье,
На нем не обойтись
Без ран и поражений.

Я падал и вставал,
Урок лихой осмыслив,—
Я радость познавал
Преодоленья высей.

Я к свету шел с трудом...
Так знай,
Какой ценою
Тебе я строил дом,
Тебе я школу строю.

И я не клял,
А пел
Тернистый путь,
Нелегкий,
Чтоб услыхать сумел
Ты голос мой далекий.

Спеша дела вершить,
Тревожиться привык я:
Светло ли будет жить
В том граде,
Что воздвиг я?

Как звезды в глубине,
Как вестника
Из шири,
Тебя б увидеть мне,
Твое явленье в мире.

Мне надо знать о том,
Что скажет
Этот вестник
И о труде моем
И о пропетых песнях.

В ЗАСАДКЕ [1]

Ворона хлопочет в гнезде
На вербе,
Над талой водой.
На брызги косясь,
По воде
Бежит жеребенок гнедой.

На землю,
Что жаждет тепла,
Упали светила лучи —
И где-то
Травинка взошла,
И где-то
Забили ключи.

Я жду:
В этот солнечный час
Кончается птиц перелет,
В засадку мою,
Не стучась,
Загадочно муза войдет.

Придет,
Словно солнца лучи,
Не скажет она ничего.
Но в сердце
Оттают ключи,
И песня взойдет из него.

ТАЕЖНИК УДАЛОЙ

Таежник удалой,
Из мест, где нет селений,
Из дебрей выйду я
И отпрягу оленей.

Алдан родимый мой,
Встречай меня и чествуй:
Я по тайге бродил —
Хочу огней и шествий!

Старатель твой и гость,
Толпы не избегая,
По скверам в тополях
Хозяином шагаю.
И мне не привыкать!..
А после, верно, встречу
Землячек милых я,
На шутки их отвечу.

Чтоб знал родной Алдан,
Что мы не самозванцы,
Явлюсь с одной из них —
Красавицей —
На танцы.

И только с ней одной —
Пусть помнят танцы эти!—
Таежный танец я
Станцую на паркете.

А утром — снова в путь.
Навьючу я оленей.
Встречай меня, тайга,
Прощай, уют селений!

Но знаю:
Не одни
Вослед прошепчут губы:
«Таежник удалой,
И мне с тобой в тайгу бы!..»

Перевел с якутского
Олег ЗВЕРЕВ.

[1] Засадка (сиб.) — охотничий шалаш из веток.

Геодезисты Антонина Лощенкова и Вячеслав Рыжиков поставили в чистом поле первый колышек.

«Построить станкостроительные заводы по производству автоматических линий в городах Сухиничи и Сасово».

Из проекта Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

ТОРЖЕСТВО ПЕРВОГО КОЛЫШКА

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото К. КАСПИЕВА,

специальные корреспонденты «Огонька».

100 ЛЕТ В 1975 ГОД

Сквозь заиндевевший узор на стекле лениво просачивается зимнее утро. За окном голубеющая тишина, убаюканная приглушенными басами электровозов. Изредка проскрипят полозьями розвальни, прошумит не то ветер, не то машина, и снова тишина, тишина. А в гостинице уже захлопали двери, застучали по коридорам сапоги — торопятся к умывальнику. Внизу, у дежурной на первом этаже, кто-то уговаривает телефонистку вызвать квартиру Курашова. Я знаю, кто такой Петр Иванович Курашов,— это начальник СУ № 18. И по голосу я узнаю человека, которому он понадобился: Павел Петрович Аникин, представитель московского завода «Станколиния». Сегодня в Сасове произойдет важное событие, которое я бы назвала торжеством первого колышка. В чистое поле придут геодезисты и вобьют в заранее определенную точку столбик, и уже от него будет вестись отсчет в разные стороны: влево, вправо и вперед. Ничего как будто особенного не случится, на языке профессионалов это называется отчуждением земли. Суровостью и холодом веет от этого слова «отчуждение», и хочется заменить его другим: «отвод». Это значит, что земля, которая испокон веков стояла пустошью или родила хлеб, травы, плоды, примет в свое лоно иную жизнь.

Сколько таких колышков забивается ныне по всей нашей стране на старте новой пятилетки! По поводу них не произносится, как при открытии монумента, громких речей, не устраиваются митинги, как при пуске первого поезда или получении первой стали. Но именно с них-то, с колышков, и начинается новая жизнь земли и людей.

В Сасове, например, в этом небольшом, утонувшем в снегах городке, что на Рязанщине, решено создать крупный центр станкостроения. Сначала будет построен завод «Станколиния», потом завод унифицированных деталей и узлов к станкам. И линии и станки предназначены для автотракторной промышленности, то есть той самой отрасли, которая обслуживает землю, ближе всего стоит к лугам и пашням.

Еще в Москве я спрашивала главного инженера проекта В. К. Мозгрина, почему выбор пал именно на Сасово, а не на какое-либо другое место. «Во-первых, потому,— отвечал он мне,—что Рязань — крупный машиностроительный город. Вы знаете, что в Рязани создается филиал ЗИЛа, и этому предприятию нужно высокопроизводительное современное оборудование. Во-вторых, потому, что Сасово расположено на одной из важных транспортных артерий, связывающей центр страны с Уралом, Поволжьем и Средней Азией. В-третьих, сказалась забота об использовании трудовых ресурсов малого города, забота о его развитии. Кстати, второй станкостроительный центр, намеченный проектом Директив XXIV съезда партии, тоже будет в небольшом городке — я имею в виду Сухиничи, Калужской области».

Главный инженер развернул план стройки сасовского завода, раскрыл альбом с эскиза-

ми и фрагментами оформления, и перед глазами вставало предприятие, какого не только в этих краях да и, пожалуй, во многих самых больших городах еще не было. Массивный трехсотметровый квадрат главного корпуса. Двенадцатиэтажная башня инженерной службы, экспериментальный цех. Светлые панели. Широкие ленты стекла. Асфальт. Купы зелени и синеватое зеркало водного бассейна. Люминесцентные плафоны особой яркости. Пластик и паркет.

У агрегатных, прецизионных станков и станков с программным управлением, ведущим счет на доли микрона, будут стоять люди в белых халатах!

В тесном союзе с промышленной эстетикой — высокая техническая культура: с момента пуска завода начнет действовать и АСУП — автоматизированная система управления производством. И не подсобники, не грузчики, а каретки операторов доставят по транспортерам к рабочим местам и документ с заданием, и заготовки, и детали, и инструмент. Завод замышляется поначалу как дочернее предприятие — филиал московского завода «Станколиния». Но очень скоро дочь обгонит отца: и по объему производства и по количеству работающих.

— Своя романтика рядом, и ехать никуда не надо!

Эти слова я услышала уже не в Москве, а в Сасове, в девятом «В» школы № 1.

— Собирался в летное, а теперь подумаю, не податься ли в станкостроительный,— сказал веснушчатый паренек с первой парты у окна Евгений Нечаев.

— Раньше некуда было пойти: завод торгового оборудования укомплектован, в депо рабочие не требуются, а теперь большая перспектива есть,— поддержал товарища его одноклассник Виктор Титов.

— А можно ведь и на стройку, правда?— спросила Таня Лукьянова.

Так молодежь Сасова решает проблему № 1, проблему кадров. Эта проблема в центре внимания и проектировщиков, и местных партийных, советских организаций, и администрации будущего завода. Уже в этом году в Москву поедет учиться большая группа рабочих. На Смирновской улице, неподалеку от завода «Станколиния», будет для них гостиница-общежитие. Первым объектом, с которого начнется строительство завода, будет ПТУ — профессионально-техническое училище на шестьсот человек. Со временем при заводе откроется филиал Московского станкоинструментального института. Есть уже и ядро, костяк будущего многотысячного рабочего коллектива. Он в цехах депо, известного своими революционными и трудовыми традициями: именно здесь перед сасовскими железнодорожниками 16 мая 1919 года выступал М. И. Калинин.

Да, этого завода-гиганта сегодня еще не существует, но имя его всего через пять лет понесут по стране и за ее пределами автоматические линии и станки! Сквозь призму пятилетия видится то новое, что придет в жизнь этих юношей и девушек, что даст завод городу. Живописные кварталы жилых домов не в два и не в три этажа, как сейчас, а в пять и девять. Первый одинокой пока свечой уже возвышается за околицей, на снежном разливе, что до самого леса. Это не просто лес, а парк имени 40-летия ВЛКСМ, посаженный юными жителями Сасова, и все пространство до парка займет новый микрорайон. Тут будут жить строители станков. В городе две полных средних школы, а станет четыре. В горисполкоме мне показали на плане точки, где откроются новые кафе, кинотеатр, стадион, ателье, магазины... И еще говорили о том, что строится почтамт, здание автоматической телефонной станции до двух тысяч номеров.

...На поле возле деревни Темгенево дул пронизывающий, колючий ветер. Было зябко и неуютно, но люди с теодолитом, лентой и щитом, на котором написано: «Здесь будет строиться станкостроительный завод»,— москвичи, рязанцы и сасовцы, упрямо шли вперед. Вперед от первого колышка. Я записала в блокноте дату и час: 25 февраля 1971 года. 12 часов дня.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

МОСКВА

ДОМ ДЛЯ АВТОМОБИЛЕЙ

Автомобилю нужны не только гаражи и дороги, но и ремонтные станции. Как будет расти их сеть, как они будут выглядеть? Начальник Росавтотехобслуживания Э. В. СТАРАННИКОВ показывает два макета — прообраз станций, которые уже строятся.

— Обратите внимание на отличие новых станций от ныне существующих. По сути, это целые автомобильные комбинаты. На одной из них ремонт и обслуживание смогут одновременно проходить пятнадцать автомобилей, на другой — двадцать пять.

В предстоящую пятилетку в Российской Федерации намечено построить 330 станций технического обслуживания легковых автомобилей, находящихся в личной собственности. Оборудование станции позволит осуществить замену агрегатов и сложнейшую регулировку, малярные и кузовные работы.

— Где расположатся дома для автомобилей?

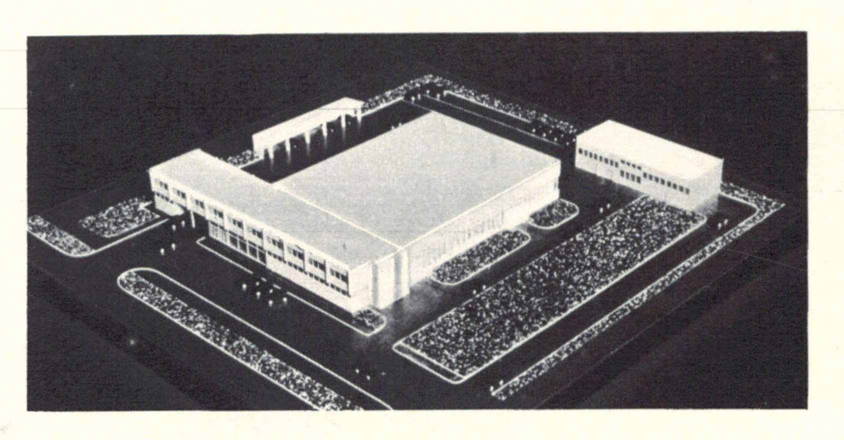
— В городах и близ них, а также на автомагистралях. Например, недавно открыли станцию в Мценске. За год она может обслужить около четырех тысяч машин. Конечно, этой станцией будут пользоваться не только те, кто живет в Мценске или Орле, но и едущие на юг по одному из самых оживленных шоссе. Предполагаем, что около станции скоро появится автомобильный магазин. А впоследствии все новые станции будут строиться в одном комплексе с магазинами-салонами для продажи автомобилей.

— Можно ли будет на новых станциях ремонтировать автомобиль «Жигули»?

— На большинстве — да. Кроме того, решено построить фирменные станции Волжского автозавода специально для «Жигулей».

На снимке: Макет новой станции.

К. БАРЫКИН

АЗЕРБАЙДЖАН

МОРСКИЕ АВТОГРАФЫ

Для бригадира проходчиков коммуниста Исрафила Гусейнова эта скважина, пробуренная на глубину двух тысяч метров, особая, юбилейная: сороковая на его счету. Сороковая скважина — подарок бригады Гусейнова съезду партии.

...У каждого своя дорога в жизни. Для Исрафила она начиналась четырнадцать весен назад в городке, поднявшем свои этажи над волнами моря. В трудовой его книжке всего одна запись о месте работы: нефтепромысловое управление имени XXII съезда КПСС. Этот человек накрепко связал свою судьбу с «Камушками» — морской нефтью. Немало своеобразных автографов оставил он глубоко в море.

В канун XXIV съезда партии я спросил у бурового мастера о его планах на будущее, о его мечтах. Он ответил:

— Планы азербайджанских нефтяников на ближайшее будущее определены проектом Директив съезда партии: «особое внимание обратить на освоение морских месторождений нефти». Будем и дальше проникать к пластам многослойного нефтяного пирога, покрытого толщей воды. А что касается мечты... Мечтаю привезти лет через десять в город моей юности, на Нефтяные Камни, старшего сына Ровшана и учить его скоростным методам проходки скважин. Надеюсь, что к тому времени я уже буду инженером со стажем...

Г. ПОГОСОВ,
сотрудник республиканской газеты «Коммунист»

На снимке: Бригадир проходчиков Исрафил Гусейнов, почетный нефтяник СССР, студент Азербайджанского института нефти и химии.

Фото К. Кузьменко

КИРГИЗИЯ

МЕЖ КРУТЫХ БЕРЕГОВ...

Токтогульская ГЭС — пусковая стройка девятой пятилетки. Электростанция словно врезается в горы Тянь-Шаня. Эта высокогорная стройка — место дерзких экспериментов и смелых инженерных решений. Будущая гидростанция возводится в узком каменистом ущелье на реке Нарын. Высота вертикальных склонов ущелья местами достигает 700 метров! Только в основные сооружения уложат столько бетона, что его хватило бы на прокладку автомагистрали от Москвы до Фрунзе.

...Удивительным и непривычным кажется приезжему человеку этот край. Холодом дышат громады древних гор. Однообразием тянет от бесконечных валунов, громоздящихся вдоль серпантина дорог. Не радуют уносящиеся на снежные вершины серо-пепельные низкие облака. И все же люди сюда приезжают работать и остаются тут надолго. «Токтогулка» сегодня — это 600 коммунистов, 1 300 комсомольцев. Это дом и место работы для 5 700 строителей сорока одной национальности.

Здесь многое впервые. Послойный, уже нареченный «токтогульским» метод укладки бетона — впервые. Испытание и модернизация новой техники — впервые. Владимир Самсонкин и Талгак Акбашев, например, сейчас работают на самосвалах «БЕЛАЗ». Шестидесятипятитонные гиганты проходят тут испытания.

Плотина Токтогульской ГЭС уже поднялась на 32 метра. Ежедневно в тело плотины закладывается 1 000—1 200 кубометров бетона. Среди тех, кто шагает впереди,— бригада Марии Козловой: до семидесяти кубометров бетона укладывает бригада за смену.

Растет «Токтогулка». Рядом со строительством раскинулся рабочий городок с парком, со стадионом. Открылись филиал политехнического института, строительный техникум. В январе нынешнего года родился тысячный житель городка строителей Кара-Куля. А коренные каракульцы уже пошли в первый класс...

Н. ПИМЕНОВ, сотрудник газеты «Советская Киргизия»

На снимке: Бригадир М. Козлова.

Фото В. Морева. ТАСС.

БЕЛОРУССИЯ

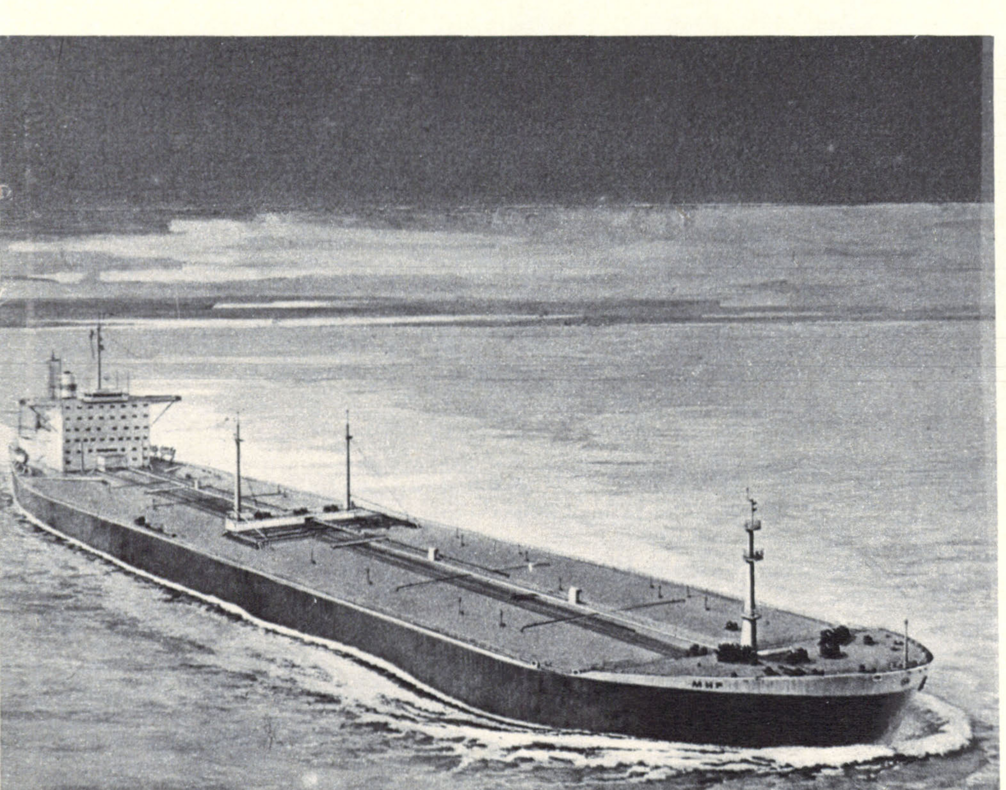
КТО У ПУЛЬТА?

...Пульт управления. Оператор, направляющий ход сложных производственных процессов. Каких? Прокат стального листа? Рождение искусственных химических волокон? Переработка нефти? Нет, на снимке Федор Белявский, оператор механизированной свинофермы в белорусском колхозе «Рассвет» имени Кирилла Прокофьевича Орловского.

Ферма в «Рассвете» существует два года. Машины здесь взяли на себя самую трудную работу — приготовление кормов, раздачу их, уборку навоза. Благодаря этому резко сократилось число занятых тут людей, а экономические показатели пошли вверх. Ферма рассчитана на 5 000 свиней. Обслуживают же ее всего восемнадцать человек.

В новой пятилетке дальнейшее внедрение машин во все сферы артельного хозяйства будет идти еще интенсивнее.

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»
Фото Н. Желудовича. ТАСС.

ЛЕНИНГРАД

КОРАБЛЬ «МИР»

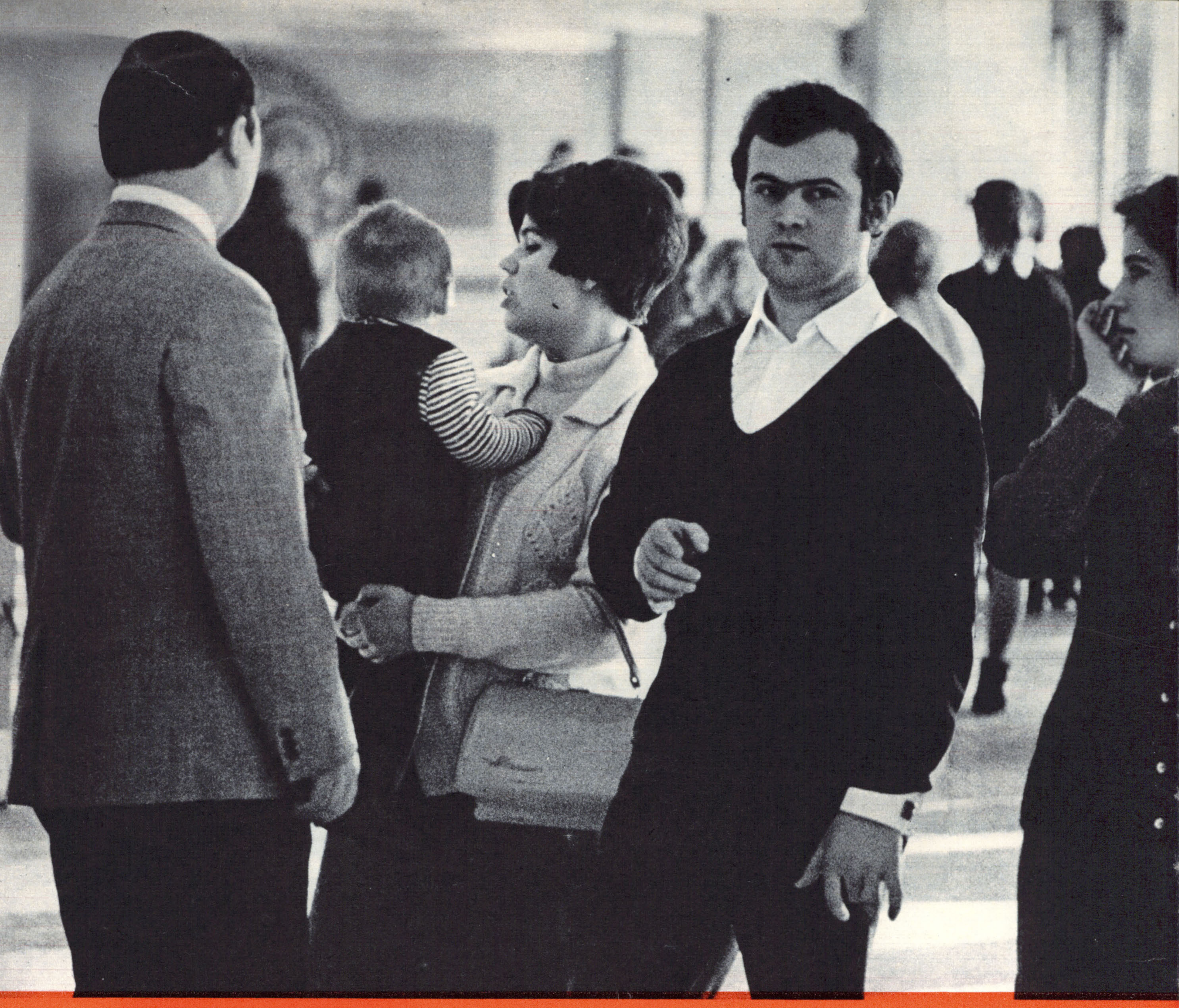
Ленинградские инженеры из «Балтсудопроекта» выполнили свое основное обязательство к XXIV съезду партии: спроектировали новый корабль. Что же это за корабль? Назвали его «Мир», он будет флагманом серии современных нефтевозов. По своим размерам и мореходным качествам эти нефтевозы превзойдут хорошо известные морякам торгового флота крупнейшие советские танкеры класса «София», «Прага»... Если у каждого из них водоизмещение 62 тысячи, то у «Мира» — 180 тысяч тонн. Его танки смогут принять одновременно 150 тысяч тонн нефти.

И вообще «Мир» — самое большое коммерческое судно из всех когда-либо сооружавшихся на отечественных верфях. Длина его — 295 метров, ширина — 45. Танкер сможет курсировать со скоростью 17 узлов. Стоит назвать еще одну цифру: более двадцати тысяч миль «Мир» может плыть, не заходя в порты.

Инженеры-конструкторы позаботились о том, чтобы стальной гигант был долговечен и экономичен в эксплуатации: двойное дно гарантирует высокую прочность корпуса, специальное устройство обеспечивает кораблю маневренность при прохождении проливов, швартовке. Оборудование танкера включает самую современную технику. Например, навигационный комплекс, располагающий вычислительной машиной, позволит автоматически счислять путь, определять координаты...

И, конечно, сделано все, чтобы экипаж корабля располагал комфортабельными и удобными бытовыми, служебными помещениями и салонами.

К. ЧЕРЕВКОВ, собкор «Огонька»

Семья Ивана Федоровича Корниенко.

УРАЛЬСКИ

Предприятие это называется Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. Но все мы, вся страна зовем его попросту, как старого, доброго друга,— «Уралмаш». Он приобрел популярность еще до своего рождения, в те трудные и радостные годы, когда страна жила лозунгом: «Пятилетку—в четыре!». И с 1928 года, с тех самых пор, как начали его строить, «Уралмаш» стал символом пятилеток, правофланговым нашей индустрии. Правофланговым был он и в войну, когда из его ворот прямо на фронт шли нескончаемой чередой танки, эшелоны со снарядами, помогая солдатам добывать победу. Правофланговым остался «Уралмаш» и в наши дни. В девятой пятилетке уральский промышленный гигант должен создавать оборудование, несущее прогресс всем отраслям народного хозяйства.

Именно здесь, на «Уралмаше», предстоит сконструировать и изготовить загрузочное устройство доменной печи небывалого объема — 5 тысяч кубометров. О создании таких печей говорится в проекте Директив XXIV съезда КПСС. Именно он, «Уралмаш», обязан дать угольщикам Сибири исполинский шагающий экскаватор, перерабатывающий за год 15—20 миллионов кубов горной массы. А кроме того, коллективу завода предстоит освоить комплекс редкостного оборудования для непрерывной разливки стали. И это еще не все: много других больших и важных задач ставит нынешняя пятилетка перед коллективом «Уралмаша».

Й ЧАС

Как видите, дел заводу предстоит невпроворот, но любые задачи, большие и малые, по плечу уральскому богатырю.

Завод славен не только трудовыми доблестями, но и тем, что здесь умеют заботиться о любом члене коллектива, умеют наладить быт своих работников. А особенно славен «Уралмаш» мастерами, которым самые нелегкие дела по силам. Не так уж и велик возраст уральского правофлангового, но успели сложиться на заводе целые рабочие династии, коренные, потомственные уралмашевцы. Об одной из таких рабочих династий — о семье Ивана Федоровича Корниенко, о ее труде и жизни — рассказывают сегодня корреспонденты «Огонька».

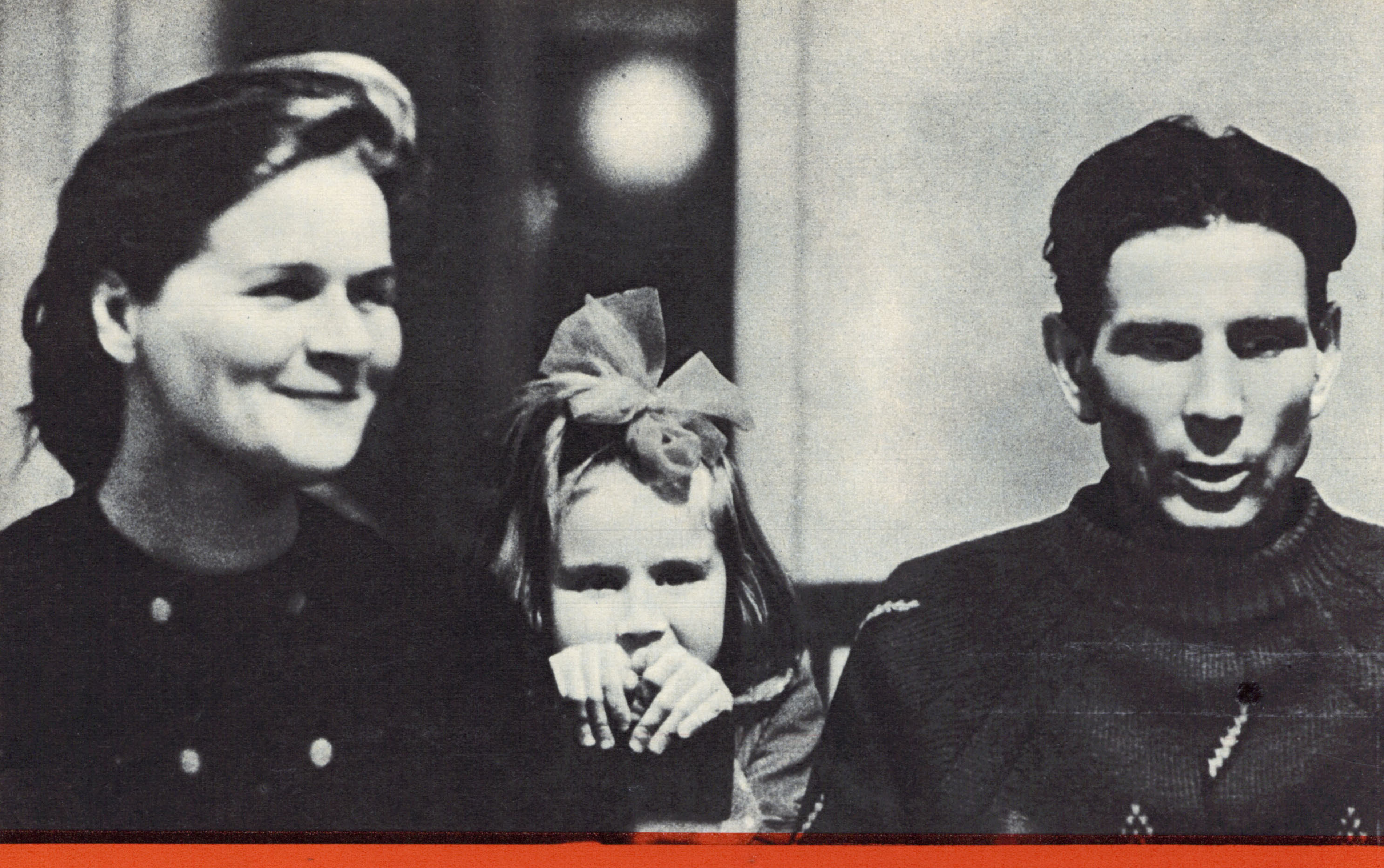
Ю. ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА,

специальные корреспонденты «Огонька»

Ивану Корниенко снились танки. С тяжким грохотом выползали они из цеха на солнечный свет, поводя орудийными стволами по сторонам, словно отыскивали врага, и, не найдя его, нетерпеливо рвали с места вперед. Враг был далеко от ворот «Уралмаша», и танки спешили. Сборщики — тоже. Корниенко, проводив очередную машину, нырял в цех, а из ворот вскоре показывался следующий танк.

И тут Иван Федорович просыпался. Уже розовая вода рассвета свободно вливалась в широкие окна палаты, птицы будили тишину уральского курорта «Самоцвет», и странным казалось Корниенко соседство этой тишины, к которой он все не мог привыкнуть, с грохочущими танками из сна. Ветер воспоминаний начинал реять над головой, возвращал его в молодость, в комнатушку, на девяти квадратных метрах которой каким-то образом умещались в войну две большие семьи. Не было у них тогда ни холодильников, ни стиральных машин. И не то чтобы они не хотели удобств и комфорта. Хотели, но пони-

Радостный день в семье формовщика Виталия Григорьева — новоселье.

мали: не то время. Они верили в будущее и каждый уральский час пересчитывали на снаряды, танки, тонны стали, ибо каждый такой час близил победу. Эта вера помогала людям жить и переносить трудности, а те танки вошли в судьбу Ивана Корниенко вечным символом служения высшему долгу. Они всплывали в его памяти в самые неожиданные, казалось бы, моменты — и в радостные и в трудные: и когда настал День Победы; и когда родился у него в 1948 году третий сын, Борис; и когда въезжали в новую квартиру; и когда в цеху создавалось тяжелое положение, так что приходилось прихватывать два-три часа другой смены; и когда сыновья один за другим вырастали, уходили служить в армию, а возвращаясь, приходили на «Уралмаш», в тот же цех, где работал он сам; и когда в 1966 году наградили его орденом Трудового Красного Знамени; и когда пировал на свадьбе сначала у старшего, а потом у среднего сына; и когда жена, Агриппина Петровна, ушла на пенсию.

Всплыли в памяти те военные дни и теперь вот здесь, на тихом уральском курорте. Летит время, летит... От давних воспоминаний Корниенко незаметно перешел к делам сегодняшним. Интересно, подумал он, как там его бригада. Шел последний год пятилетки, и каждый в коллективе уралмашевцев старался первым закончить ее. Иван Федорович только подумал о бригаде, и сразу так живо встал перед его глазами родной цех, что немедленно захотелось увидеть своих ребят. Он понял: отдыху конец, пора собираться...

В цеху его встретили сдержанно. Рабочие — люди дела, а много ли нужно слов, когда ты занят делом?

— Как отдохнул? — словно бы мимоходом.

— Нормально. Как станок?

— В порядке, заказ такой, что на месяц хватит...

Это уже вроде вежливого намека — проходи, мол, братец, видишь, сколько работы. И он пошел на свое рабочее место.

Подбежал Анатолий, средний сын.

— С тебя, отец, причитается. С этого дня ты повышен в звании — стал трижды дедом.

— Да ну! — в шутку изумился Иван Федорович, хотя уже знал об этом.

— Внук, батя, внук! — счастливо засмеялся Анатолий.

— В тот день Корниенки гору могли свернуть, да только жаль, подходящей поблизости не оказалось, — шутит секретарь цеховой партийной организации Серафим Васильевич Ильин.

Ну, гору не гору, а работать они умели. Что отец, что сыновья — сборщики отличные. Это все знали. Сколько ни уходило из цеха экскаваторов или буровых установок, куда бы они ни отправлялись — на Кубу или в Тюмень, в Сирию или Татарию, в Италию или Поволжье, — никто не жаловался...

...11 апреля 1970 года было для цеха днем необычным. Не только потому, что весь завод тогда вышел на Всесоюзный коммунистический субботник, но и потому еще, что именно в тот день в цехе собрали семитысячную буровую установку — своего рода юбилейную. Корниенко проверял «мозг» установки — ее электрическую часть — и все пытался представить, сколько же нефти и газа нашли с помощью их буровых.

После обеда семитысячная была полностью готова, и весь цех направился на митинг. Корниенко-старший никогда не считал себя оратором и поэтому сильно удивился, когда Ильин сказал ему, загадочно улыбнувшись:

— Придется тебе сегодня, Иван Федорович, выступать. Непременно придется. Так что приготовься.

Вокруг буровой тоже творилось что-то непонятное. Двое рабочих привинчивали к ней какую-то белую табличку в том месте, где и быть ничему не положено. Что на ней написано, Корниенко прочесть не успел — начался митинг. И тут все загадки и странности разрешились самым неожиданным образом.

— Дорогие друзья, — начал парторг, — цеховая партийная организация предлагает в этот торжественный день присвоить юбилейной семитысячной буровой установке, собранной сегодня вами, имя славной рабочей семьи Корниенко, проработавшей на Уралмашзаводе свыше ста лет...

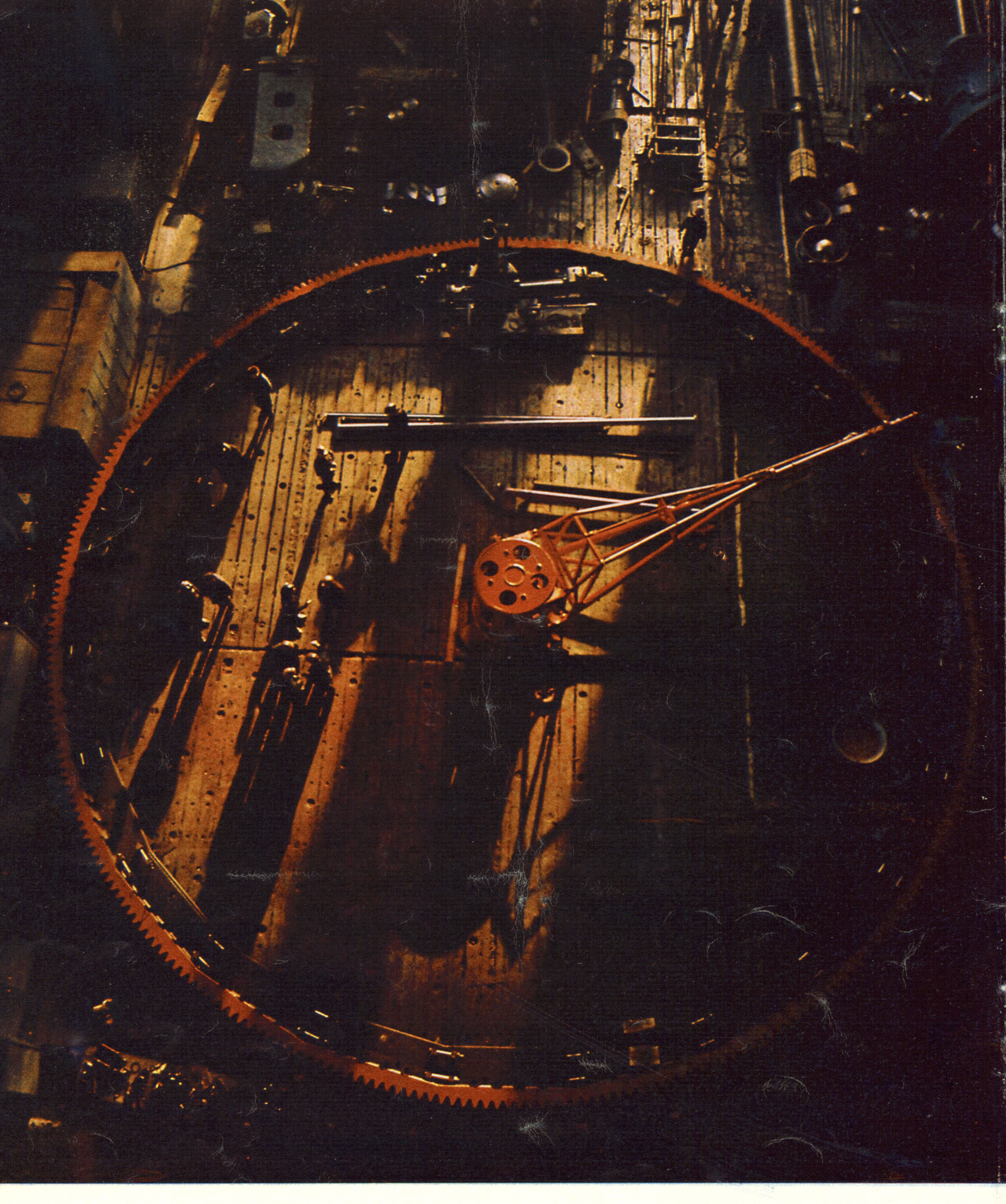
Дальше Корниенко уже слышал плохо. Ему показывали на белую табличку (ту самую, непонятную), на которой, оказывается, была выбита его фамилия, кто-то хлопал его по плечу, что-то кричал и тихонько подталкивал к трибуне, а рядом шли сыновья, смущенные и обрадованные не меньше, чем отец, и их тоже подталкивали и кричали им что-то радостное. Они вышли на трибуну, и издали нельзя было понять, кто из них отец, а кто сыновья. В одинаковых рабочих спецовках, одинаково широкоплечие, почти одного роста, они вышли на трибуну и застыли в смущении, не зная, что делать дальше.

— Давай, Иван Федорович, говори! — кричали ему друзья.

О, как много хотел он сказать этим людям, вместе с которыми собирал в войну знаменитые «тридцатьчетверки», с которыми делил радость и печаль, у которых учился мастерству и которые помогли ему

Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе. В сварочно-сборочном цехе делают огромные экскаваторные ковши (автомашина в нем — для масштаба), а цех благоустройства и озеленения круглый год выдает продукцию деликатную, благоухающую. ▶

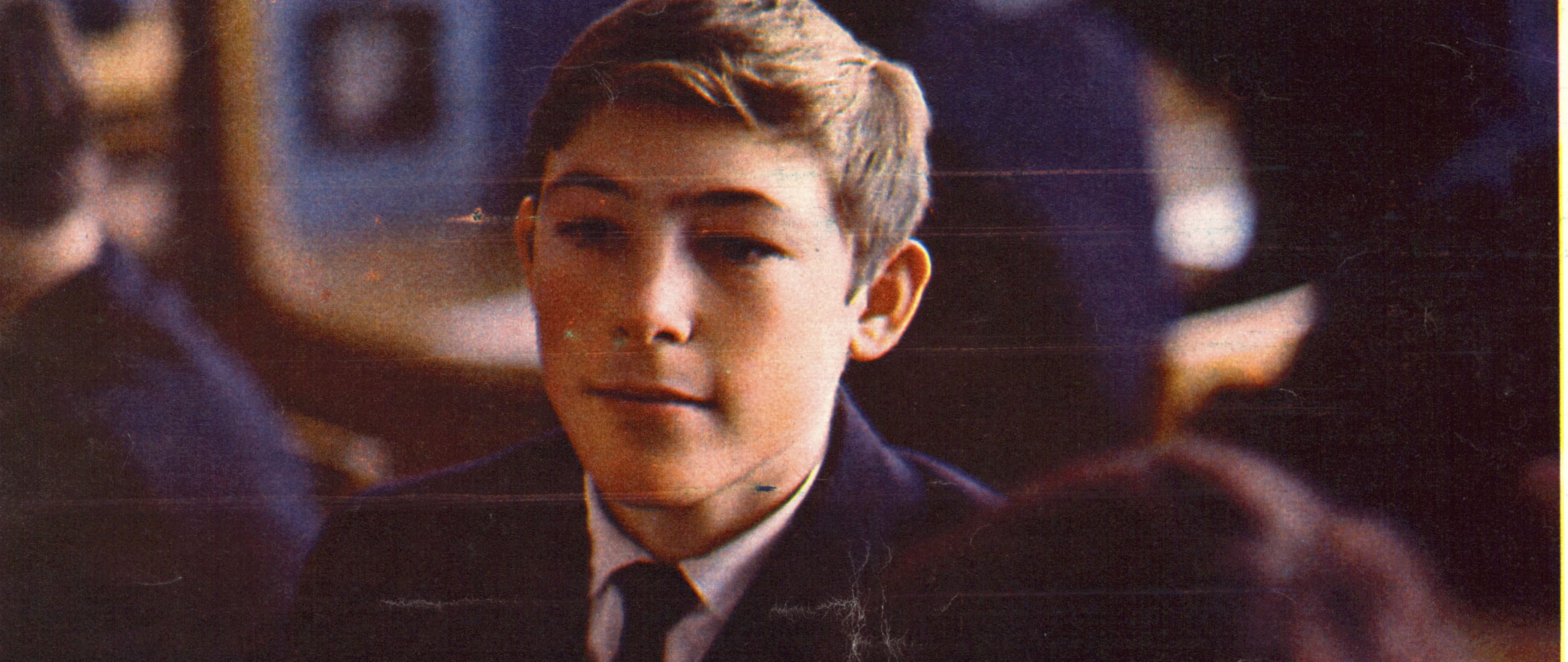

Зубчатый венец 80-кубового шагающего исполин

...а и... венок танца заводского народного ансамбля.

Уральский перепляс.

поставить на ноги сыновей. Он столько должен сказать им, но от волнения смог выговорить лишь несколько слов:

— Большое вам, люди, спасибо.— И сокрушенно махнул рукой.— Не оратор я!..

...Мы сидим в уютной квартире Корниенко, и он, вспоминая тот день, по-прежнему волновался, будто все это случилось вчера. Тяжелые руки, привыкшие к металлу, как-то неуютно чувствовали себя без дела — то теребили цветную скатерть на полированном столе, то срывались с него, не зная, куда им деваться...

— На том же митинге прикрепили мне к пиджаку значок «Ветеран труда». Это в 48 лет-то! Я не знал — то ли радоваться, то ли грустить...

В квартире было тихо. Старшие сыновья, женившись, отделились и теперь жили каждый своим домом. На минуту показался Борис, но тут же скрылся в другой комнате — пошел готовиться к занятиям в вечерней школе. Старшая дочь, Людмила, пропадала в библиотеке — ей нужно во всеоружии встретить вступительные экзамены в институт. Младшая, шестиклассница Марина, вместе с матерью смотрела телевизор — шел увлекательный детектив. Но детектив детективом, а к разговору нашему женская часть семьи прислушивалась внимательно. Когда же я поинтересовался, из чего, мол, складывается бюджет вашей семьи и как изменилась семейная экономика в последние годы, Агриппина Петровна решительно оставила телевизор. И все вместе мы стали прибавлять к ежемесячным двум сотням Ивана Федоровича сто семьдесят Бориса, да еще пенсию хозяйки, да зарплату Людмилы...

— Премии не забудьте!— подала голос Марина из другой комнаты.

— Складывай не складывай, а что жить стали лучше, это и так видно,— закончила Агриппина Петровна.— А деньги считать мы как-то не привыкли. Чего считать? Понадобился новый холодильник — купили, шифоньер — тоже купили,— продолжала она, все же ревниво следя за столбиком цифр.— Ну, сколько?

В среднем выходило по сто рублей в месяц на человека. Это записали в актив. В пассиве — две свадьбы (расходы немалые), крупные и мелкие покупки, питание. И все-таки часть денег еще оставалась. А как учитывать поездки на курорты, в дома отдыха и пионерский лагерь? С одной стороны — расходы, но с другой — за путевки была уплачена только треть их стоимости, а две трети взяли на себя профсоюз, завод. Врачебная помощь вообще бесплатная.

— Мы к этим затратам государства так привыкли, что просто забываем о них,— добавил Иван Федорович.— Но вот недавно я прочитал, что в Америке, в Нью-Йорке, каждый визит в больницу стоит от шести до двадцати долларов, день же лечения в ней обходится в шестьдесят долларов. Разумеется, за счет больного. А у нас — бесплатно, да еще средний заработок сохраняется. Я член цехового комитета профсоюза и знаю, что ежегодно мы распределяем у себя в цехе сто двадцать путевок в дома отдыха и на курорты. Могу сказать, что по заводу такими путевками пользуются около десяти тысяч человек, и число их постоянно увеличивается. Не говорю уж о профилакториях, базах отдыха... Или вот еще что интересно — жилищный вопрос. Заявлений по-прежнему много получаем. Но если раньше люди обращались в профком с такой просьбой — дайте комнату, хоть какую, то теперь не то, теперь пишут: прошу взамен однокомнатной квартиры выделить двухкомнатную или вместо двухкомнатной — трехкомнатную. Понимаете, характер просьб изменился качественно. Да и не мудрено. Жилой фонд завода приближается к миллиону квадратных метров...

В справедливости слов Ивана Федоровича мы убедились на следующий же день, когда поехали осматривать городок «Уралмаша». Собственно, городок — это так, по привычке, ведь по размерам-то он не уступит иным городам, небольшим, конечно. Мы ехали по широким улицам и легко отличали постройки последних лет. Дома возводят солидные, растут они быстро, как грибы после дождя, вспомнил я слова Корниенко-старшего. А вот улица совершенно новая — улица Новаторов. Она еще только начинается. В завкоме нам говорили, что как раз сегодня на этой улице будет заселяться целый дом, спешите — новоселам уже вручают ключи...

Новенький, с иголочки дом номер 17 смотрел изумленными прозрачными глазами-окнами на мир. Он радовался свету, солнцу, наступающей весне. Он с нетерпением ждал прихода новоселов, ждал, когда все сто его квартир осветятся приветливыми огнями. А в подъезды уже входили люди с такими радостными, широкими улыбками на лицах, что ошибиться было невозможно — это новоселы, самые счастливые люди на земле! И еще добавим: это уралмашевцы, правофланговые пятилетки...

Новые дома, профилакторий «Светлый», спортивные залы — все это для уралмашевцев, и ветеранов и молодых, таких, как ученик ПТУ № 1 Геннадий Чеканов.

Моника ВАРНЕНСКА,
польская писательница

СЛОВО О ВЕЛИКОМ БРАТСТВЕ

Интернационализм... Это слово будит множество воспоминаний и ассоциаций. И я мысленно углубляюсь в прошлое...

Интернациональные бригады, спешившие на помощь Испанской республике...

Еще глубже я усвоила значение этого слова в годы второй мировой войны. Тогда борьба за общее дело — не только за освобождение моей оккупированной страны, но и против общего смертельного врага, угрожавшего всему человечеству, то есть против фашизма,— объединяла в рядах регулярных армий и партизанских отрядов людей самых различных национальностей. Польские летчики участвовали в битве за Англию, французские пилоты из эскадрильи «Нормандия — Неман» сражались за советскую землю. Бежавшие из фашистских лагерей люди пополняли ряды партизанских отрядов, зачастую действовавших за тысячи километров от родины. Не могу не отметить, что сбитые в боях над Польшей советские летчики всегда находили убежище среди моих соотечественников, которые прятали их и указывали путь на лесные базы партизан.

Поляки участвовали в боях на территории всей Европы — от Сталинграда до Лондона. Во многих партизанских отрядах, сражавшихся в разных странах, звучали разные языки, а среди них и польский. На советской земле формировалась 1-я дивизия Войска Польского имени Т. Костюшко, чехословацкий корпус генерала Л. Свободы, здесь действовал Национальный комитет «Свободная Германия»...

Закончилась вторая мировая война, и о слове интернационализм напомнили транспорты продовольствия, которые Страна Советов слала в разграбленную фашистами Польшу, гигантские подъемные краны на стройплощадках народной Польши, где вместе с поляками трудились советские специалисты.

Так было не только в Польше. Так было и в других странах, где на руинах и пепелищах начиналось строительство новой жизни!

С новой силой слово интернационализм прозвучало в годы американской агрессии против Корейской Народно-Демократической Республики. Кто хоть раз видел в 1950—1953 годах эту страну, отражавшую нашествие заокеанских интервентов, тот, несомненно, запомнил героические усилия врачей и среднего медперсонала госпиталей, направленных на корейский фронт почти всеми социалистическими странами. Невозможно забыть сердечную заботу, которой были окружены тысячи корейских детей, чудом вырванных из пламени войны и нашедших в наших странах родной дом. Если кто видел КНДР в первые годы ее послевоенного восстановления, когда героический народ Страны утренней свежести с неимоверным трудом поднимал свою родину из пепла и руин, тот, наверное, запомнил польских специалистов, помогавших корейским братьям восстанавливать железные дороги, а равно и советских людей, которые своим опытом и знаниями помогали корейскому народу.

Интернационализм — это та помощь и поддержка, которую сегодня оказывают борющемуся Вьетнаму прогрессивные силы во всем мире. В 1962 году я впервые увидела Демократическую Республику Вьетнам. Но то еще было мирное время. Я очень хорошо помню строительство политехнического института — вуза, который был сердечным даром советских людей братскому народу Вьетнама. Помню действовавший уже тогда госпиталь имени польско-советской дружбы. Видела я и здание больницы в городе Винь, а также типографию «Тьен Бо», построенную и оснащенную в Ханое друзьями из ГДР. Уже тогда можно было встретить в ДРВ людей различных национальностей из стран социализма — специалистов, прибывших сюда для того, чтобы помочь вьетнамскому народу в первые, самые трудные, годы восстановления...

Вторично я попала во Вьетнам — уже охваченный войной — спустя две недели после начала пресловутой эскалации. Помню волну гнева и возмущения, которая поднялась, когда пришло сообщение о первых американских бомбах, сброшенных на города и села мирного Севера.

Безграничен и изумителен героизм наших вьетнамских братьев. Он вызывает восхищение честных людей всей земли. Я много писала об этом, побывав в самых опасных районах Севера, проходя через «фронт в джунглях», особенно через «Пылающий Юг», и даже близко наблюдая Сайгон и повседневную борьбу его населения. Писала о Вьетнаме. Писала о борьбе народов Лаоса и Камбоджи. Буду писать и впредь о героизме, самоотверженности и патриотизме, о великом интернациональном братстве. О братстве, которое именно в сражающейся стране можно до конца понять и оценить.

— Расскажи нам, сестра, о твоей родине и о борьбе твоего народа против гитлеровцев,— не раз просили меня бойцы Народных вооруженных сил Освобождения,— расскажи о стране Ленина! Ведь ты часто бываешь там.

И я, сидя под сенью высоченных зеленых гигантов джунглей или в глубоких подземных убежищах, рассказывала под аккомпанемент вражеской артиллерии и непрерывный вой американских самолетов. Обо всем — о разрушенной до основания, но восстановленной народом Варшаве, о ее героизме в 1939 и 1944 годах. О блокаде Ленинграда и стойкости его жителей. О знаменитой Сталинградской битве и героизме защитников этого города. О нынешних демонстрациях протеста против агрессии США во Вьетнаме. О том, что такие демонстрации охватили не только Европу, но и весь мир.

Помню, как во время посещения лесных баз Национального фронта освобождения Южного Вьетнама молодые бойцы пели советские и польские военные и партизанские песни на вьетнамском языке. Песня, которая действительно не знает границ, пролетела тысячи километров на волне радио Ханоя и была записана на магнитофонной ленте, а потом ее передавала радиостанция «Освобождение», и люди слушали ее с помощью транзисторов, которых вполне достаточно в джунглях Юга: их «поставляют» патриотам сами агрессоры, транспорты которых то и дело подвергаются атакам патриотов. Вот таким путем и попали в чащу тропического леса мелодии и слова песен, звучавших едва ли не во всех партизанских отрядах оккупированной фашистами Европы. Среди них и наша:

> Нет, не ждать уж больше в хатах
> И терпеть неволю, рабство!
> Кулаки сжимайте, люди, и сердца соедините!
> Дважды, трижды отвечайте на любой удар врага!

С волнением вспоминаю пение «Интернационала» в глубине южновьетнамских джунглей: мои товарищи исполняли его по-вьетнамски, а я — по-польски. По-разному звучали слова великого коммунистического гимна, но смысл их был одинаковым, и наши сердца бились в едином ритме.

Микола НАГНИБЕДА

ГЕРОЮ ВСЕЛЕННОЙ

Есть мать у нас
В ласке,
В печали.
Есть Ленин
И отчий порог,
Грядущего ясные дали,
Бессмертие давних дорог.
Мечта есть в душе Человека.
Есть подвиг, и песня,
И труд,
Законы двадцатого века,
Как дружбы народов прелюд.
Могущество крыльев
такое
Несло
над планетою всей
Эскадру советских героев —
Проходчиков звездных путей.
И светится
подвигом века
В сиянии новом Земля.
О высшей красе Человека
Мы слышим слова
из Кремля.
В суть жизни
Слова эти
влиты.
Величием подвига чист,
На звездные вышел орбиты
Вселенной герой —
коммунист!

Перевел с украинского
Юрий САЕНКО.

Размышляя о великом братстве, подтверждение которому я неоднократно обнаруживала в Индокитае, я перелистываю свои книги о Вьетнаме. Вот, например, страница из моей книги «Четвертая зона», касающаяся 1967 года, когда на Севере эскалация была в разгаре, а на Юге шли ожесточенные бои. По пути на линию огня, то есть к 17-й параллели, нам пришлось ехать через изрытую бомбами приморскую провинцию Куангбинь. В этих местах, как и в соседней провинции Виньлинь, смерть витала над нами каждый день и каждый час. Когда мы вернулись от артиллеристов, то есть с зенитной батареи, где — как и во многих других пунктах ДРВ — стоят советские орудия и ракеты, я записала:

«Возвращаемся на «базу» поздно вечером. За нами шумит море и ветер посвистывает в прибрежных кустах. Белеющие в лунном свете пески еще не успели остыть после знойного дня. В небе вдруг вспыхивают «фонари» — большая связка осветительных ракет. Товарищи гонят меня в убежище.

Сажусь на последнюю ступеньку лестницы, ведущей в подземелье. В любую минуту я готова спрыгнуть вниз. Кто-то незнакомый присел рядом, как бы желая заслонить меня от ревущих в небе самолетов. Чья-то шершавая и сильная рука касается моей, ухватившейся за край лаза. Чей-то незнакомый голос тепло повторяет одно и то же слово:

Та-ва-рич... Та-ва-рич...

Я понимаю, что именно хочет этим единственным знакомым ему русским словом, произносимым с вьетнамским акцентом, сказать мне защитник рыбацкого поселка. Для этого человека и вообще для всех местных людей, которые останутся здесь, когда я уеду в Европу, чтобы рассказать там правду об этой войне, я сейчас посланец всех социалистических стран. И хотя страны эти далеко, они близки здешним людям. А русское слово как бы приобщает этого человека к Ленину...

В минуту, когда я ощутила это прикосновение и услышала русское слово «товарищ», я почувствовала необычайное волнение и теплоту в сердце. И я крепко пожала руку человека, лица которого не могла разглядеть в темноте... Высоко вверху гудят самолеты. Вражеские корабли снова напоминают о себе глухими, похожими на удары по бочке выстрелами орудий. Борьба продолжается...»

Если мне посчастливится написать книгу об интернациональном братстве, смысл и содержание которого мне подтвердили фронты в Индокитае, в ней пойдет речь об артиллерийских орудиях и замечательных ракетах, присланных из Страны Советов вьетнамским солдатам, защитникам родины и свободы. В ней будет отражена гордость вьетнамских летчиков, имеющих законное право похвалиться первыми боевыми успехами во время полетов на советских «МИГах»...

В этой же книге я рассказала бы о кораблях, торжественно встречаемых во вьетнамских портах. Особенно о советских и польских, которые, несмотря на грозящую им опасность со стороны американских воздушных пиратов, несмотря на стаи вертолетов США, несмотря на многочисленные налеты американских бомбардировщиков на порт Хайфон, доставляют сюда грузы.

Я перечислила бы названия городов и заводов, откуда в ДРВ поступает санитарное и транспортное имущество, аппаратура и электрические агрегаты. И, конечно же, среди этих названий превалировали бы знакомые: Москва, Ленинград, Минск, Варшава, Краков, Катовице, Иена и Лейпциг, Будапешт, Прага, София и другие города.

На страницах той книги я рассказала бы о польских детях, собирающих деньги на велосипеды для своих вьетнамских сверстников. О детях ГДР, участвующих в широкой кампании «Велосипеды для Вьетнама!». О молодых польских воинах, которые перед принятием традиционной присяги шли на донорские пункты, чтобы сдать кровь для ДРВ.

Вьетнам — так же, как много лет назад Испания, как в период второй мировой войны Советский Союз,— является сегодня мерилом подлинно интернациональной позиции каждого человека, по которой определяется взгляд на мир и отношение к происходящим в нем событиям.

Можно было бы назвать — если бы об этом шла речь — иные страны, иные фронты вооруженной и мирной борьбы за свободу. Но я упомянула лишь то, что мне особенно близко. Великое братство придает новые силы тем, кто сражается за независимость и свободу. «Мы пожертвуем всем, но не отдадим свободы нашей страны и не станем рабами». Эти слова принадлежат Хо Ши Мину.

Будапешт. У монумента Освобождения на горе Геллерт.
Фото МТИ — ТАСС.

4 апреля — День освобождения Венгрии от фашистских захватчиков.

ПРАЗДНИК ВЕНГРИИ

В этот день, 26 лет назад, Советская Армия освободила всю территорию страны от германских фашистов. За годы, прошедшие с того исторического дня, в жизни страны произошли глубочайшие изменения, каких не знала Венгрия за свою более чем тысячелетнюю историю. Заложив фундамент социализма, Венгрия вступила в новый период развития — период полного построения социалистического общества.

«Наше государство и общественный строй по своему характеру и классовым отношениям, а также формам собственности уже являются социалистическими»,— заявил Первый секретарь ЦК ВСРП товарищ Янош Кадар на последнем, X съезде партии.

За этими словами — огромный труд рабочих, крестьян, интеллигенции народной Венгрии, превративших в короткий срок свою родину в индустриальную страну с развитым сельским хозяйством.

Решающая роль в созидательном труде венгерского народа принадлежит его авангарду — Венгерской социалистической рабочей партии. Под ее руководством братская Венгрия уверенно идет к дальнейшим успехам в строительстве новой жизни.

Кабдыкарим ИДРИСОВ

МОЙ КРАЙ

Край родной — как письмо,
Что оставили предки,
Где простые и мудрые строки нередки.
То листаешь страницы
Минувших годов,
То грядущих свершений
Наносишь пометки.

Сад поля окликает
Взволнованной песней,
Шахты тянутся к недрам,
Дома — к поднебесью.
Это гимн,
Это твердая поступь труда,
Пятилетками нам подающего вести.

Казахстан — это край и отар и пшеницы.
Край,
И степи и горы вместивший в границы.
Подниматься все выше знаменам его,
И высоким наградам на них золотиться!

Край заоблачных пиков,
Джайляу широких,
Приближающий братством заветные сроки.
Край батыров,
Героев порывистых край —
Всё о нем мои думы, о нем мои строки.

Перевел с казахского
Вл. САВЕЛЬЕВ.

ВЗЯТО ДЛЯ БУДУЩЕГО

Ленинградские заводы — это сама история революции, сама история Советской власти. Здесь растет авангард рабочего класса — люди высоких духовных побуждений.

Об этих людях уже не впервые рассказывает Ленинградская студия кинохроники. Несколько лет назад был создан фильм о Степане Степановиче Витченко — слесаре завода «Электросила», полковнике в отставке, ветеране Великой Отечественной войны.

«18 моих мальчишек» — ученики Витченко, о которых рассказала Ленкинохроника, теперь квалифицированные рабочие. Один из учеников Витченко, Володя Целуев, стал героем нового документального фильма, названного «Взятое в путь»...

Что же взято сегодня молодыми рабочими в путь по жизни?

Авторы фильма — сценарист Олег Ханеев, режиссер Ирина Калинина, оператор Аркадий Рейзентул — позволяют увидеть, что в жизнь берется прежде всего дружба, взаимовыручка, коммунистическое отношение к труду...

На заводе «Электросила» происходит, может быть, незаметно для глаза, важнейший для общества процесс формирования человеческой личности. Выковываются характеры. Ширится внутренний мир тех, кому предстоит нести в жизнь опыт и знание отцов.

Фильм «Взятое в путь» заканчивается крупным планом: по Москве шагает Володя Целуев — студент, отец семейства, молодой рабочий, член ЦК ВЛКСМ. Во всем облике коммуниста неистребимый интерес к жизни и радостная уверенность в ней.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: Рабочий момент съемки. Режиссер И. Калинина, зам. бригадира В. Целуев, бригадир С. Витченко.

Фото А. Грачева.

ПОСЛАННИКИ ВЕЧНОСТИ

Они только что ворвались в Зимний — революционные матросы. В бушлатах с красными бантами, увешанные гранатами, опоясанные крест-накрест патронными лентами... По лестницам, отстреливаясь, отходили юнкера. Матросы шли шеренгой, сомкнуто; гибли на глазах товарищи, и ярость нарастала. Где-то в стенной нише показалась картина с изображенной на ней царствующей особой. Миг — и наведены на нее пистолеты матросов.

— Стой! В живопись не стрелять! — преграждает им путь матрос с «Витязя», хотя мы видим, что и он сейчас выпустил бы в портрет обойму.— В живопись не стрелять! Приказ Ленина...

Само слово-то «живопись» произносит он, наверное, впервые, а видеть ее раньше не приходилось и подавно.

Движутся по залам солдаты революции, тесня юнкеров, пораженные красотой. И как ни велика их ненависть к буржуям, к роскоши, они замирают перед искусством. Потрясенные его силой, они стараются ничего не задеть: перед восстанием им разъяснено, что шедевры мирового искусства — величайшее достояние народа. И тот же матрос с «Витязя», увидев мраморную Венеру, кричит исступленно: «Кто руки бабе отколол? Кто? Найти!»

Революция шла не разрушать, а созидать. А «ценители» и «знатоки» культуры, искусства — белое офицерье и министры из Временного, засевшие в Эрмитаже,— мародерствуют: вырезают ножами и выдирают из рам бесценные полотна, грабят тайники и сейфы в погоне за драгоценностями, которыми будут спекулировать за границей...

...Только что вышедший на экраны фильм «Посланники вечности» (сценарист Г. Мдивани, режиссер Т. Вульфович, главный художник Г. Мясников, главный оператор Ф. Добронравов, композитор Д. Шостакович) несет гуманнейшую мысль.

Большевики-ленинцы завоевывают власть, чтобы в корне изменить жизнь народа, чтобы трудовые люди стали настоящими хозяевами всех духовных богатств страны. Искусство воспитывает, одухотворяет. Именно оно станет величайшим помощником при построении нового общества, преображая души людей.

В фильме есть такой эпизод: в Эрмитаж врывается матрос с вычурной бронзовой статуэткой, восхищенно протягивает он свою находку директору музея... Он еще не может отличить шедевр от подделки, но его дети, внуки научатся понимать красоту. И зрители не смеются. Зрители понимают: искусство, принадлежащее народу,— одно из величайших достижений Советской власти.

Посланники вечности — это богатство музеев. Но это и люди, сумевшие сохранить их для нас. Вот почему картина, рассказывающая о том, как прошел первый день Советской власти, закономерно открывает показ фильмов, посвященных XXIV съезду КПСС.

В фильме много интересных образов. Среди актерских удач можно назвать работы И. Лапикова и Н. Трофимова.

Г. СМЕТАНИНА

На снимке: Кадр из фильма «Посланники вечности». В главных ролях — Иван Лапиков и Галина Андреева.

О ФРОНТОВИКАХ БЕЛОРУССКОГО...

О тех, кто отправлялся с Белорусского на фронт в сорок первом и вернулся с победой в сорок пятом, рассказывает фильм... С людьми этими встретимся и мы в годы семидесятые... И хоть проведем мы вместе с ними всего одни сутки их жизни, многое, очень многое узнаем мы о них: о крепкой фронтовой дружбе, сплотившей поколение победителей, об их высоких душевных качествах, о единстве, на котором стояла и стоять будет земля Советская...

Замечательно показаны эти люди на экране — искренне, правдиво, глубоко. Они сразу узнают друг друга, эти давние фронтовые друзья, воины десятого гвардейского «непромокаемого» батальона. Их играют замечательные актеры: А. Глазырин, А. Папанов, Е. Леонов и В. Сафонов. Их герои последний раз четверть века назад отмечали день рождения своего капитана Валентина Матвеева, а сейчас они собрались на его похороны... Печальной сценой на кладбище и начинается этот фильм, который потом будет и веселым, и трогательным, и яростно-гневным, и лирическим...

Особенно сердечной становится в фильме встреча фронтовых друзей с сестрой милосердия Раечкой — ее играет Н. Ургант.

Вот здесь-то, дома у Раечки, с особой яркостью и выявляется то великое братство, та общность, которые живут и никогда не умирают в сердцах советских людей...

Но не только об этом рассказывает умный, волнующий, по-своему оптимистический фильм «Белорусский вокзал», полный тонких наблюдений и доброго юмора.

Отрадно, что столь правдивый фильм о поколении отцов сделан на студии «Мосфильм» сыновьями тех, кто воевал против фашизма, молодыми кинематографистами. Автор сценария — В. Трунин, режиссер-постановщик — А. Смирнов.

Мих. БЕЛЯВСКИЙ

На снимке: Кадр из фильма «Белорусский вокзал».

РАДИ ЖИЗНИ

ЗАМЕТКИ О ФИЛЬМЕ
«НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА»

Ю. СБИТНЕВ

Февраль 1944 года...

Мне никогда не забыть его. Никогда!.. Эту шершавую, задубевшую на сквозных ветрах щеку, эти три лычки на фронтовом погоне, этот угрюмый костыль в руке, нашивки тяжелого ранения на вылинявшей гимнастерке, слезы моей матери и твои слезы, отец. Их не забыть никогда!

И все-таки он был самым радостным, самым праздничным, тот февраль 1944 года. Был он белым-белым...

Белый февраль. От края до края, во весь окоем расстелила зима чистые холсты на полях. И по этим, таким домовитым, мирным холстам, сотрясая землю, все дальше и вперед грохочут танки, идут машины, спешат колонны вооруженных людей. В чистом, удивительно чистом небе проносятся истребители, тяжко гудят бомбардировщики. Все дальше, все вперед!..

Я смотрю на экран, на это вот целеустремленное, непреградное движение, и слезы сами собой подступают к глазам. Это тот, мой, наш, февраль: частые, радостные вести с фронта и уверенность, счастливая уверенность, что к каждому на большой нашей земле скоро, совсем скоро придет освобождение.

Освобождение! А как оно звучит, это слово, на польском, болгарском, венгерском, чешском и еще многих-многих языках!..

Солнечный февральский день. По фронтовой дороге стремительно бегут три машины. В одной из них генерал, какой-то уж очень мирный, с добродушным широким русским лицом, с доброй улыбкой, с крестьянской лукавинкой в глазах...

— А как будет по-польски жизнь? — спрашивает он.

И солдат, сидящий позади, полистав словарь, отвечает:

— Жице...

— Жице.— Добрая улыбка.— Жице...

Автоматная очередь обрывает беседу... Автоматная очередь обрывает жизнь генерала Николая Федоровича Ватутина. Генерал умирает, произнося польское слово «жице»...

Он был отцом, не пришедшим с войны на порог родного дома.

Эпизодом гибели генерала армии Ватутина (его играет артист С. Харченко) начинается третий фильм киноэпопеи «Освобождение».

Рассказывая о двух первых картинах («Огонек» № 17, 1970 г.), мы уже говорили о беспощадной, единственной правде войны; о напряженной борьбе умов, борьбе двух идеологий; о ратном подвиге нашего народа, ярко и талантливо запечатленном в этих кинолентах.

Создавая картину «Направление главного удара», съемочный коллектив остается верен себе. Снова перед зрителем разворачивается напряженная борьба штабов. Снова превосходно отснятые батальные сцены. Действие фильма переносит зрителя из Анкары в Берлин, из Англии в Соединенные Штаты Америки, из ставки Верховного главнокомандующего И. В. Сталина (Б. Закариадзе) в ставку Гитлера (Ф. Диц).

Как и прежде, сидя в зале, вдруг ощущаешь себя непосредственным участником событий, будь это жестокая атака на крохотную высотку или дипломатично вежливая беседа руководителей трех держав в Тегеране. Ощущение присутствия, причастности к происходящему захватывает с первых эпизодов и уже не покидает до конца.

Подчеркнуто-спокойные, расчетливо-медлительные либо стремительные, как свист снаряда, доверительно-лиричные, грустные, трагические, жестокие или окрашенные добрым юмором сцены — все это, находя в картине свое место, становится тем, что называем мы всеобъемлющим словом ЖИЗНЬ.

И если в кинофильмах «Огненная дуга» и «Прорыв» все время преследует один вопрос: «Жизнь или смерть?»,— то в «Направлении главного удара» звучит утверждающий лейтмотив: «ЖИЗНЬ!»

Гибнут солдаты, бросаясь на штурм высоты. Следует одна атака за другой. Их много, наших отцов и братьев, недвижимо застывших на земле.

Гибнут, не познавшие еще женской любви, совсем мальчишки, летчики: француз Жак (Л. Прыгунов) и русский Зайцев (В. Разумов-

Авторы сценария Ю. Бондарев, О. Курганов, Ю. Озеров. Постановка Юрия Озерова, главный оператор И. Слабневич.

ский)... Зал откликается громом аплодисментов, когда Зайцев спасает Жака, улетая на своем «ястребке» из-под самого носа фашистов, и замирает в скорбном, таком понятном, глубоком молчании, когда обрывается жизнь этих простых, хороших ребят.

Полны настоящего трагизма сцены нашего наступления в направлении главного удара через белорусские болота. Советские солдаты буквально на себе выносят тяжелые танки из гиблой топи. Их много — русских, украинских, белорусских парней, медленно уходящих в трясину болот, сраженных кинжальным огнем и градом осколков. А рядом с ними гибнут грузины, узбеки, казахи... Сыны всех народов многонациональной страны.

Авторы фильма не скрывают, не сглаживают всей беспощадности ратной работы. С документальной непреклонностью кинокамера свидетельствует, фиксирует подробности боя. Зритель видит, какой ценою оплачена каждая атака, каждый бой, каждое наступление.

И несмотря на жестокость правды, от которой, казалось бы, способны зарыдать камни, в сердце рождается не этакая всеобъемлющая жалость, которая до сих пор нет-нет да зазвучит в том или другом повествовании о войне, а возникает победный, утверждающий гимн: «Жизнь, только Жизнь!»

Ведь если глядеть правде в глаза, то никогда бы ни из одной войны не вышел наш народ победителем, если бы руководствовался той жалкой жалостью, теми слезами, что порой еще льются взахлеб над иными страницами истории священной Великой Отечественной войны.

Написанный и снятый, поставленный и сыгранный многими из тех, кто познал на себе бремя самой жестокой из всех войн, бывших на земле, фильм в главной своей направленности обращен к тем, для кого Великий подвиг Великого народа — уже далекая история... В этой истории не должно быть белых пятен, не должно быть недомолвок и скороговорок...

Мы победили в войне, заплатив за победу самой дорогой ценой — жизнью людей. И люди эти не страдальцы, распятые на кресте безысходностью, не жалкие и бессловесные пешки, но воины, твердо верящие в НАШУ СОВЕТСКУЮ ПОБЕДУ, В НАШУ СОВЕТСКУЮ ЖИЗНЬ, идущие ради нее на смерть.

Таков пафос картины, такова ее правда.

— Они победили вопреки всякой науке! — в отчаянии восклицает один из командующих армией рейха. И ему отвечает, вспоминая великого Суворова, его же, пока еще «боевитый» соплеменник:

— В войне есть единственная наука — наука побеждать!

Враг признает нашу победу. Канул в Лету миф о непобедимости армии фюрера. Но одно дело — признать свершившийся факт, другое — понять его **сущность.**

В картине «Направление главного удара» глубоко, исторически достоверно анализируются действия врага, показана работа ставки Гитлера, выпукло очерчены образы «правящей головки». Несомненный интерес представляют эпизоды, связанные с покушением на фюрера,— кстати, впервые изображенные в кинематографе.

Получает дальнейшую разработку и образ хитрого и ловкого политика, мнимого друга — злейшего врага Советской власти Черчилля (Ю. Дуров).

Но все эти явные враги и мнимые друзья не могут повернуть вспять колесо истории! Битва за жизнь, битва ради жизни, которую ведет советский народ, неумолимо движется к победному финалу. И творят эту битву миллионы советских людей, от Верховного главнокомандующего до солдата, гибнущего в топях болот, слитые в единое целое идеей, имя которой — Ленинская Правда, Ленинская Партия!..

...Закончился фильм. Долго не смолкают аплодисменты в просмотровом зале. Титры возвращают нас к именам создателей величественной киноэпопеи, к тем, кто продолжает свою большую, нужную, творческую работу над следующей страницей летописи о Великой Отечественной войне. Над самой радостной для всего честного человечества страницей истории — окончательной победы Великого народа.

■

ВСТРЕЧА

Вторую половину ночи разведчики шли по лесным тропам на запад. Впереди Афанасьев, за ним остальные. На рассвете подошли к небольшой поляне. В мелком кустарнике стоял запряженный лошадьми рессорный экипаж. Возле него расхаживал бородатый старик. Заметив разведчиков, бородач с обидой бросил:

— Совсем околел, вас ожидаючи.

Афанасьев сунул в руку старика пачку немецких рейхсмарок, пошутил:

— Доставишь, батя, благополучно дочку в город, там и согреешься.

— Покорнейше благодарю! — ответил старик, пряча деньги в карман.

Аня попрощалась с разведчиками, расцеловалась с Наташей и, опустив голову, подошла к Афанасьеву.

— Береги себя, Аннушка. При встрече с Шене будь особенно осторожна.

Старик подтянул вожжи, взмахнул кнутом, экипаж тронулся и скоро скрылся в зарослях ельника.

— Пора и нам в дорогу! — сказал Афанасьев.

На рассвете заминировали мост и вошли в Черные леса. Днем совершенно случайно столкнулись с группой Октая. После выполнения задания она возвращалась в отряд с «языком» — немецким капитаном.

Солнце садилось, когда разведчики вошли в лагерь. Октай сказал Афанасьеву:

— Сейчас я вас самому Млынскому представлю.

Шли по поляне к штабу. Возле колодца стояла группа солдат, среди них — сержант. Появление в расположении отряда новеньких всегда вызывало повышенный интерес. Но взгляд у сержанта какой-то особенный. Он неожиданно рванулся вперед, протянул руки, крикнул:

— Наташа!

Девушка повернулась.

— Сеня! — И бросилась к сержанту.— Сеня! Родной мой!

— Наташа! Милая!..

В комнату Млынского вошли Октай и Афанасьев.

Пропуская вперед Афанасьева, Октай представил:

— Товарищ майор, к нам гость с Большой земли.

Млынский встал.

— Начальник разведгруппы «Пламя» Афанасьев,— представился капитан.

Поняв, что встреча необычная, Мишутка схватил пустой чайник, натянул на голову меховую шапку, бросился за кипятком. Надо же угощать гостей!

Как только на столе задымился чайник и появилась нехитрая закуска, Мишутка сбегал за Алиевым и Серегиным. Млынский представил им Афанасьева и пригласил всех за стол. Отпивая из солдатской кружки чай, Афанасьев неторопливо рассказывал о том, что командование поручило разведгруппе «Пламя» разыскать отряд Млынского и обеспечить его всем необходимым для организации надежной радиосвязи с Центром и командованием фронта.

Афанасьев рассказал о положении на фронте, о своей группе.

Приход разведчиков менял обстановку в отряде.

Млынский сообщил Афанасьеву о затеянной игре с гестапо и о том, что в отряде есть засланные агенты гестапо. Возникла опасность переиграть. Из отряда не должно было уйти сообщение в гестапо о прибытии разведчиков.

Решили, что настало время арестовать агента под кличкой «Иван».

Охриму и Октаю поручили задержать «Ивана», обезоружить и доставить к Млынскому. Октай как-то недружелюбно посмотрел на Охрима, но подчинился, не проронив ни слова.

«Иван», когда ему сказали, что нужно явиться к Млынскому, беззаботно бросил:

— К Млынскому так к Млынскому! — и потянулся за автоматом.

— Постой,— схватил его за руку Октай.— Эта игрушка стреляет, поэтому давай без нее, так надежнее.

— Не надо так не надо! — согласился «Иван», но Охрим заметил, как дрогнула губа у «Ивана».

— Не знаешь, зачем начальнику понадобился? — спросил «Иван» Октая, когда шли через поляну. На Охрима старался не смотреть, но подумал: «Свой человек рядом — уже спокойнее».

Млынский и его помощники поджидали «Ивана» у крыльца.

— По вашему приказанию прибыл, товарищ начальник!

— Не прибыл, а привели тебя,— поправил Млынский.— И никакой я не товарищ предателю!

— К-как прикажете понимать?

— Вот так и понимать, что ты предатель и мы тебя арестовали.

— Сволочь! — гаркнул «Иван», изогнулся и бросился на Млынского. Над головой командира сверкнуло лезвие ножа, выхваченного из-за голенища. Охрим заслонил командира.

«Иван», вывернувшись, бросился бежать.

— Стой! — крикнул Октай и полоснул из автомата. Предатель рухнул на землю.

Личный сундучок «Ивана» оказался далеко не безобидным. В нем обнаружили записи, которые позволили определить еще двух агентов: «Сову» и «Лайку».

Вечером Млынский, посоветовавшись с Афанасьевым, Серегиным и Алиевым, принял решение направить в город Охрима, лейтенанта Кирсанова, мичмана Вакуленчука и деда Матвея. Перед ними поставили конкретные задачи.

Группу тщательно проинструктировал Млынский. Он же выдал Кирсанову необходимые документы, адреса явок, сообщил место закладки тайника.

Приход в отряд разведывательной группы Афанасьева облегчил решение и других очень важных задач.

На третьи сутки после встречи Млынский сидел вечером с Афанасьевым. Перед ними лежала топографическая карта. На ней маленький синий прямоугольничек — условное обозначение расположения отряда, рядом — значительно больших размеров красный прямоугольник. На него-то и указывал майор.

— Вот, полюбуйтесь, по соседству с нами расположен большой аэродром. За последние дни немцы завезли туда много боеприпасов, сосредоточили несколько десятков тяжелых бомбардировщиков. Я думаю, что настало время избавиться от такого соседства.

— Сделать это нужно как можно скорее,— поддержал майора Афанасьев.

Вскоре Наташа отправила на Большую землю две радиограммы. В первой сообщалось, что разведгруппа «Пламя» установила связь с отрядом Млынского и обеспечила его надежной радиосвязью. Во второй передавались точные координаты нового немецкого аэродрома.

Утром Наташа получила ответную радиограмму, в которой сообщалось, что за образцовое выполнение задания за линией фронта майор Млынский, капитан Афанасьев и комиссар Белецкий награждены орденами Красного Знамени. Ответ на вторую радиограмму вечером дали летчики. Они появились над аэродромом, сбросив на него тонны смертоносного груза. Взметнулись в небо желтые языки пламени. В лесу стало светло, как днем. Едкий дым пожара распространился вокруг на многие километры.

АНЯ УСТАНАВЛИВАЕТ СВЯЗЬ С «ФАУСТОМ»

Экипаж остановили при въезде в город. Высокий фельдфебель попросил предъявить документы. Пропуск Ани разглядывал долго.

— Не окажет ли мадемуазель Анна честь провести вечерок в кафе? — спросил немец, возвращая документы.

— Нет! — ответила Анна, опуская в сумочку бумаги.

В городе она отпустила извозчика и заметила, что за ней следят. Пошла к центру города, то ускоряя, то замедляя шаг; довольно полный, средних лет человек неотступно следовал за ней. Анна решила избавиться от преследования и направилась к зданию гестапо. Зашла в бюро пропусков. Толстяк последовал за ней. Аня сняла телефонную трубку и набрала номер Шене. К счастью, он оказался на месте. Услышав его голос, Аня сознательно громко спросила:

— Господин Шене? Здравствуйте! Вам большой привет от гауптмана Радля... Узнали? Сейчас подойдете?.. Хорошо, хорошо, я жду.

Шене обрадовался встрече с Аней. Тепло поздоровался, а когда узнал, что она не устроена, вызвал машину и на глазах растерявшегося толстяка повез ее в гостиницу.

...Через двое суток Охрим, обросший и похудевший, явился в первую попавшуюся на пути немецкую воинскую часть и потребовал, чтобы его срочно доставили к начальнику городского гестапо. Ночью он уже сидел в кабинете Отто Кранца и подробно рассказывал все, что относилось к выполнению задания, с которым гестапо направило его в отряд Млынского.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 8—13.

С. ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Почему не убит Млынский?— спросил строго Кранц.

— Стрелял, но промахнулся!—уверенно ответил Охрим.— Мы с «Иваном» вывели Млынского в лес. Казалось, все делаем наверняка. Как только «Иван» отошел в сторону — мы такое условие имели с ним,— я приготовился полоснуть в спину Млынскому, да не успел. Верный человек Млынского следил за мной. В самую последнюю минуту вышиб автомат, пуля пошла в землю. А он с ножом на меня. Я его прикончил из пистолета, но он, стервец, успел все-таки садануть меня.— Охрим показал рану.

Кранц внимательно посмотрел на плечо и, судя по всему, поверил.

— Как же ноги успел унести?— поинтересовался Кранц.

— Тут «Ивану» в ножки поклониться надобно. Я бежать, он—за мной. Млынскому крикнул, чтобы на базу возвращался немедленно. Пообещал поймать бандита — это значит меня — и доставить живым или мертвым. Бежал я с «Иваном», а потом он воротился, а мне счастливой дороги пожелал.— Охрим тяжело вздохнул.— Вот я и стою перед вами, как на духу. Виноват — казните. Только, видит бог, не повинен Охрим, не щадил живота своего.

— Все это так, Охрим, а задание все-таки провалено.

— Никак нет, господин начальник! «Иван» велел передать, что он не зря ходит в сержантах немецкой армии, что помнит он о своем долге. Просил заверить, что Млынскому не миновать пули, видит бог, не миновать. Что касаемо меня, я старался, господин начальник. Собрал важные данные об отряде.

Шене ухаживал за Анной, подчеркивая уважение к ее мужу-фронтовику. Взял на себя роль ее покровителя.

Вечера Аня проводила с Шене и его друзьями. Они часто навещали офицерское кабаре. Вот и сегодня Шене явился расфранченный и пригласил ее на ужин с офицерами.

Когда вошли в кабаре, их уже поджидало около десятка офицеров гестапо и вермахта. Шене каждому в отдельности представил Анну. В одном из офицеров она узнала «Фауста».

Пир шел горой. Захмелевшие офицеры наперебой приглашали Анну танцевать. Раскрасневшийся Шене разрешил Анне с каждым из его друзей станцевать по одному танцу.

«Это то, что нужно»,— подумала Анна, безмятежно улыбаясь. Танцуя с «Фаустом», она шепнула ему на ухо:

— В Берлине сильные холода.

Руки «Фауста» чуть-чуть дрогнули. Он поправил пенсне и, в свою очередь, ответил:

— Скоро будет жарко.

На второй день через тайник «Фауст» передал срочный пакет для капитана Афанасьева. Анна, удостоверившись, что за ней нет слежки, отнесла пакет в другой тайник.

...Утром следующего дня пакет вручили Афанасьеву. Он вскрыл его.

— Вот и заработал «Фауст».

Прочитал, нахмурился.

— Немцы опять готовят операцию по уничтожению вашего отряда,— сказал Афанасьев, передавая бумаги Млынскому.

Млынский ознакомился с планом операции, спокойно ответил:

— У них расчеты очень примитивные: ночью незаметно пробраться в лагерь, окружить его и уничтожить спящих людей. Как бы не так!

— Кажется, немцы клюнули на один из наших вариантов, майор?

— Это так, капитан, только вариант этот самый невыгодный для нас. Ну, да ничего. Сами же его придумали.

— Будем надеяться, что Охрим проложит немцам дорожку в отряд «верную».

ГЕСТАПО ЗВЕРСТВУЕТ

Выслуживаясь перед гестапо, Петренко направил во все села, прилегающие к лесам, своих агентов. Опытного агента Злого проинструктировал лично и послал в Зеленый Гай, где, по данным гестапо, дважды появлялись русские разведчики.

Злой внимательно выслушал Петренко, а когда опускал в карман пакет с немецкими марками, сказал:

— Вы, господин начальник, не сомневайтесь! Не подведу. У меня с большевиками особый счет. Коммунисты меня раскулачили, выслали в Сибирь, лишили хозяйства. Теперь они кровью заплатят мне за все!

— Поэтому вам и поручаю такое важное задание!

На рассвете Злой с десятилетней дочерью Ириной направился в лес. Они вошли в густой ельник. По пути собирали сушняк, складывали его в небольшие кучки.

вернемся

Перевалило за полдень, а Злой, как ищейка, бродил по лесу, искал следы отряда.

— Папа, что там горит? — спросила Ирина.

Увидев дым, Злой обрадовался, словно клад нашел, осторожно, по-воровски начал подбираться к тому месту, откуда поднимался дым. За ним спешила его дочь.

Неожиданно ельник расступился, и на небольшой поляне Злой увидел землянки, возле которых на срубленном дереве сидели люди.

Он не заметил, как возле него появился в красноармейской форме молодой человек с автоматом наизготовку.

— Что здесь делаешь?

Злой потерял дар речи, но быстро пришел в себя, ответил:

— Собираем с дочкой дрова.

— Что-то я не вижу твоей дочери, — сказал человек с автоматом.

— Как же ее можно увидеть, ежели она в ельнике поджидает меня. Пойдем покажу дочь мою Иринку.

— Знамо дело, пойдем! — А когда увидел мелькнувшую вдали фигурку девочки, сказал: — Забирай свои дрова и уходи. Только смотри, о нашей встрече никому ни слова.

— Понятно, чай, не ребенок! — ответил Злой.

Выйдя из леса, Злой бросил на землю сушняк.

— Папа, зачем бросил дрова?

— Тяжело нести! — ответил Злой, взял дочь за руку и зашагал в сторону Зеленого Гая.

В деревне зашел к своему родственнику.

— Занедужил что-то, — сказал Злой. — Думаю оставить у тебя Иринку и смотаться в больницу.

— Оставляй, оставляй! — согласился родственник.

Злой выпросил лошадь.

К вечеру подкатил к зданию городской полиции.

Петренко принял его, а когда выслушал, по плечу похлопал:

— За такие сведения получишь тонну пшеницы. Тридцать пудов сегодня, остальное потом.

Петренко ликовал. Он считал, что разведывательная группа русских у него в кармане, теперь можно и в гестапо об этом сказать. Пусть знают, что Петренко слов на ветер не бросает. Он тут же побежал к Отто Кранцу.

Ночью Отто Кранц поднял батальон СС, отряд городской полиции под командованием Петренко и лично возглавил операцию по ликвидации разведчиков.

Утром, блокировав выходы из лесного квадрата, где, по данным Злого, находился лагерь, начали прочесывать лес.

Впереди цепи солдат и полицейских, словно ищейка, шел Злой. За ними спешил Петренко.

И вот расступились деревья, глазам Злого открылась знакомая поляна. Только почему на ней нет землянок? Вместо них кучи свеженарубленных веток.

Эсэсовцы и полицейские залегли, открыв беспорядочный огонь. Казалось, ни одного живого человека в районе бывшего лагеря не осталось.

Но так только казалось. Совсем рядом в кустах лежали, прижавшись к земле, пять человек: Белецкий, Ляшкевич, Корецкий и два верных помощника разведчиков — Субач и Остапенко — комсомольцы из соседнего села. Почуяв беду, Белецкий немедленно отправил из лагеря Прокопченко и Дьякова с рацией, а сам с четырьмя товарищами остался, чтобы заминировать подходы и землянки. Они успели сделать все это, не успели только вовремя уйти.

Немцы и полицейские стреляли минут пять — десять. В ответ ни одного выстрела.

— Не стрелять, окружить лагерь и взять живыми тех, кто окажется здесь! — приказал Отто Кранц.

— Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь! — кричал Петренко.

Решив, видимо, что лагерь оставлен и опасаться нечего, гестаповцы и полицейские двинулись к землянкам.

Разведчики Белецкого именно этого и ждали. Они знали: с минуты на минуту заработают мины. И дождались. То тут, то там раздавались взрывы, поднимая в воздух и оккупантов и предателей.

Кранц понял, что они попали в ловушку, и приказал полицейским Петренко идти вперед.

В этот момент разведчики полоснули из автоматов по самой гуще немцев. Гестаповцы и полицаи залегли.

Разведчики дрались отчаянно. А когда немцы совсем сжали кольцо, стали забрасывать врага гранатами.

Один за другим в неравном бою погибли разведчики.

Только к обеду стрельба прекратилась. Немцы, подобрав убитых и раненых, ушли из леса.

К вечеру Прокопченко и Дьяков возвратились в лагерь. Накануне по приказу Белецкого они отошли на безопасное расстояние, нашли берлогу, заваленную сухими листьями, надежно спрятали в ней радиостанцию и батареи. Но судьба товарищей не давала покоя. Что с ними? Ведь они слышали первые выстрелы. Еще тогда хотели вернуться, но не осмелились нарушить приказ. И вот сейчас Прокопченко и Дьяков осматривали место, оставленное пять часов назад. Деревья вокруг были изрешечены пулями и осколками, пахло гарью и пороховым дымом.

Они обошли всю поляну, но никого из товарищей не нашли.

К месту, где оставили рацию, подходили молча. Не проронили ни слова. Взяли радиостанцию, выбрались из леса и, прячась в высокой кукурузе, подкрались к ветряной мельнице.

Ночью передали в Москву о случившемся.

В лесном селе постучались в окно крайнего дома. Загремел засов, скрипнула дверь.

— Кто тут? — спросил женский голос.

— Свои, мать. Если можно, дайте кусок хлеба.

— Входите, сынки!

— Немцев в селе нет? — спросил Прокопченко, входя вслед за пожилой женщиной в дом.

— Вчера было много, все парашютистов искали. Из леса привезли пятерых убитых, положили возле школы и все село согнали, чтобы опознать их. А их разве опознаешь? — И вдруг как бы опомнилась: — А вы кто будете?

— Партизаны...— ответил Дьяков.

Хозяйка перекрестилась. Не то испугавшись, не то обрадовавшись, сказала:

— Забирайтесь на чердак. Накормлю. Узнают немцы, какие у меня гости, сожгут дом, сожгут вас и меня.

Весь день скрывались на чердаке, а когда стемнело, вышли осторожно из дома и направились на запасную базу разведгруппы.

...Отто Кранц сидел за завтраком, отпивая маленькими глотками кофе; он подробно, со смаком рассказывал о том, как его доблестные солдаты ликвидировали разведывательную группу русских.

Позавтракав, он вызвал к себе Петренко, вручил ему бронзовую медаль за верную службу фюреру.

— Премного благодарен за награду! — гаркнул Петренко, потом подумал, что нужны какие-то другие слова, поправился: — Фюреру буду служить верой и правдой!

Кранц широко улыбался.

Петренко воспользовался хорошим настроением Кранца, спросил:

— Когда я смогу получить свою невесту, господин начальник?

— Сегодня вечером. Только смотрите, чтобы не убежала. В случае чего отвечать вам придется.

— Не убежит, господин начальник!

Попятился, открыл задом дверь.

В воскресенье утром дед Матвей подошел к городскому собору. Когда ударили в колокола и широко открылась массивная дверь, он торопливо вошел первым и стал возле большой иконы. Перекрестился, поставил свечку, осмотрелся. А когда убедился, что рядом никого нет, встал на колени и запустил руку в тайник. Быстро нащупал небольшой сверток. Через минуту он лежал уже в кармане Матвея, а вместо него дедушка положил свой. Встал на ноги, перекрестился еще раз и вышел. Осмотрелся и потопал по улице, повернул в переулок, еще раз осмотрелся, вошел во двор небольшого одноэтажного дома, трижды постучал в дверь. Его встретил хозяин, пожилой человек, провел в темную комнату, зажег свет.

Матвей как стоял, так и ахнул. За столом сидели два немецких офицера.

— Что, не узнал своих? — спросил хозяин.

Матвей пригляделся и, узнав лейтенанта Кирсанова и мичмана Вакуленчука, рассмеялся.

— Натурально фрицы! — сказал он, присаживаясь рядом, достал из-за пазухи сверток, положил на стол. — Получайте, господа!

Все рассмеялись.

Кирсанов развернул сверток. В свертке — документы.

Многие из них — на немецком языке. На топографической карте была сделана по-русски пометка: «Особой важности, немедленно вручить по назначению». Такие же пометки имелись на многих других документах. В свертке лежала вчетверо сложенная записка. В ней сообщалось, что гестапо и полиции удалось уничтожить комиссара разведгруппы Белецкого и четверых разведчиков: Ляшкевича, Корецкого, Субача, Остапенко. В бою с разведчиками погибло двадцать немецких солдат и двенадцать полицейских. В знак особых заслуг перед фашистами предатель Петренко награжден медалью, и ему передается под личную ответственность находящаяся в тюрьме медсестра Зина. В воскресенье вечером Зину доставят на квартиру Петренко.

Отобрав документы особой важности, Вакуленчук аккуратно свернул их и передал дедушке Матвею.

— Как можно быстрее доберитесь в отряд и передайте их капитану Афанасьеву или майору Млынскому.

— Будет сделано!

Дед натянул на голову шапку, подошел к двери, оглянулся.

— А вас когда ожидать?

— После выполнения задания, — ответил Вакуленчук.

Вечером на квартиру к Петренко вошли два немецких офицера. Расфранченный, в приподнятом настроении Петренко сидел за накрытым столом. Он ожидал, когда полицейские привезут Зиночку. Увидев немецких офицеров, поднялся из-за стола, спросил:

— Чем могу служить, господа?

— Мы пришель к вам в гости, — на ломаном русском языке ответил один из офицеров.

— К сожалению, я вас не знаю, господа.

— Очень жаль! — сказал второй офицер и, выбросив из рукава нож, нанес удар.

Вскоре к дому подкатила машина. Из нее вышли два рослых полицейских и Зиночка.

Войдя в квартиру Петренко, полицейские остолбенели: немецкие офицеры направили на них пистолеты, приказали поднять руки. Затем один из них связал ничего не понимавших предателей.

Только в машине Зиночка почувствовала, что рядом свои. А через минуту они уже мчались по улицам. За городом свернули на проселочную дорогу и с потухшими фарами направились к лесу.

У опушки машина резко затормозила.

— Вылазь, Зиночка! Вакуленчук я!

Прокопченко и Дьяков днем укрывались в лесных зарослях и на чердаках крестьянских домов. Ночью шли.

Измученные длинными переходами, обессиленные, они добрались на рассвете до старенькой избы, стоявшей на окраине небольшой деревни, и тихонько постучали.

— Кто стучит?

— Свои, — хриплым голосом откликнулся Прокопченко.

— Спать не даете! — заворчала за дверью хозяйка, но дверь открыла.

— Нам, бабушка, малость обогреться — и мы уйдем, — попросил Дьяков, закрывая за собой дверь.

— Рассвет за окном, куда вы уйдете? Или неведомо вам, что кругом полно немцев? — приговаривала хозяйка, а сама пригнулась, открыла люк в подвал, сбросила туда старое одеяло, потертый полушубок. — Спускайтесь! В подвале сухо, можно и поспать. Вот наварю картошки, тогда разбужу.

— Спасибо, бабушка! — поблагодарил Прокопченко, закрывая люк.

При свете карманного фонарика Прокопченко развернул радиостанцию и только теперь обнаружил, что кончилось питание.

Решили рацию оставить в подвале. Ножами вырыли в углу яму, обернули в плащ-палатку радиостанцию, шифры, коды и закопали.

Днем их разбудила хозяйка, накормила вареной картошкой, напоила чаем, рассказала о том, как утром немецкие солдаты повесили перед школой двух партизан.

— Може, вот так и мой Николка болтается где-нибудь на перекладине, — говорила старушка, всхлипывая.

— Не плачьте, бабушка, слезами горю не поможешь! — сказал Дьяков.

Старушка достала фотографию, показала разведчикам:

— Это мой сын, посмотрите, може, где-нибудь и встретите.

Прокопченко внимательно посмотрел на фотографию, затем передал ее Дьякову, а у старушки спросил:

— Где он служил?

— Он по морской части. Фамилия наша Вакуленчук. Коли встретите сына, передайте, что мать его очень ждет.

Поздно вечером, попрощавшись с хозяйкой, разведчики ушли.

На изломе ночи резко похолодало, усилился ветер, повалил густой снег. Легкая одежда промерзла насквозь, идти стало трудно. В сплошной темноте набрели на стог сена.

С трудом выгребли большую нишу, залезли в нее, закрылись сеном и заснули.

Спали долго. Разбудил их храп лошадей и немецкая речь. Судя по всему, солдаты брали вилами из стога сено и грузили на сани.

Прокопченко и Дьяков затаили дыхание. Они надеялись на то, что немцы наберут сена и уедут. Но вдруг перед глазами Прокопченко сверкнули стальные зубья вил. Они впились в его левую руку. Острая боль разлилась по всему телу. Стиснув зубы, он молчал. Когда же вилы с еще большей силой врезались в правую руку, он застонал. Немцы всполошились, дали по скирде автоматную очередь. Закричали:

— Хенде хох!

Прокопченко попытался поднять автомат, но руки не слушались. Кто-то нанес ему удар прикладом, и в ту же секунду полоснула автоматная очередь. Дьяков выбрался из стога, отбежал и метнул гранату. Лошади, напуганные взрывом, рванулись и понеслись по полю. За ними бежали солдаты. Дьяков подбежал к Прокопченко.

— Ранен?! Ничего, дружище, мы еще с тобой зададим фрицам! Ты лежи, я им поддам...

Дьяков не договорил, автоматная очередь сразила его насмерть.

Афанасьев несколько раз пытался по рации связаться с Белецким, но безрезультатно. Его товарищи молчали.

На четвертые сутки пребывания в отряде Наташа передала Афанасьеву полученную из Москвы радиограмму. В ней сообщалось о гибели комиссара Белецкого, разведчиков Ляшкевича, Корецкого и их боевых помощников Субача и Остапенко и предлагалось принять все возможные меры, чтобы найти оставшихся в живых товарищей, создать новую базу.

— Что случилось? — взволнованно спросил Млынский.

Вместо ответа Афанасьев протянул радиограмму.

— Срочно выхожу на поиски товарищей, — после долгого молчания сказал капитан.

Из Черных лесов выводили разведчиков сержант Бондаренко с группой солдат, Наташа и дедушка Матвей.

Первую половину пути шли спокойно. Дедушка Матвей вел, как опытный лоцман ведет корабль, обходил топкие места, оставлял в стороне труднопроходимые заросли.

Ночью на одной из полянок они увидели костер. Осторожно подошли ближе. У огня грелся одинокий человек. Незнакомец объяснил:

— От немцев бежал, хочу примкнуть к партизанам.

Дед Матвей внимательно посмотрел на валенки, дубленый полушубок, потом взял горящую головню.

— Постой, постой, — сказал дедушка Матвей, пристально вглядываясь в лицо незнакомца. — Так это же Раздоркин, начальник городской полиции. В прошлом кулак, а теперь душегуб.

Продолжение следует.

Е. Табакова (Ленинград). ВЕСНА.

В. Дишлер (Рига). В ДНИ СЪЕЗДА.

Н. Котанджян (Ереван). СТРОИТЕЛИ ГАЗОПРОВОДА.

ТОЧНО, ПРАВИЛЬНО!

Делегаты XXIV съезда КПСС от Московской городской организации КПСС (слева направо): Иван Васильевич Дюкарев, заслуженный строитель РСФСР, бригадир комплексной бригады строительного управления № 83 треста «Мосстрой-18»; Михаил Герасимович Мосолов, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, машинист-инструктор локомотивного депо Лихоборы; Владимир Ефимович Копелев, заслуженный строитель РСФСР, депутат Верховного Совета СССР, бригадир комплексной бригады коммунистического труда домостроительного комбината № 1 Главмосстроя; Валентина Михайловна Папугина, прядильщица комбината «Трехгорная мануфактура», член пленума МГК КПСС; Анна Васильевна Малютина, ударник коммунистического труда, аппаратчица Краснопресненского сахаро-рафинадного завода имени Мантулина; Евгений Владимирович Морозов, ударник коммунистического труда, обмотчик якорей электромашиностроительного завода «Памяти революции 1905 года»; Николай Васильевич Илюхин, ударник коммунистического труда, токарь московского машиностроительного завода «Рассвет»; Илья Дмитриевич Писарев, первый секретарь Краснопресненского райкома КПСС; Кузьма Артемьевич Беликов, ударник коммунистического труда, токарь Московского механического завода.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

В. КОПЕЛЕВ,
депутат Верховного Совета СССР, заслуженный строитель РСФСР, бригадир комплексной бригады домостроительного комбината № 1 Главмосстроя, делегат XXIV съезда КПСС.

Меня иногда спрашивают, как я стал строителем, почему выбрал именно эту специальность. Я отвечаю: «Да это же одна из главных профессий в нашем обществе». И вот, слушая Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXIV съезду партии, я вновь и вновь возвращался к мысли о значимости профессии строителя. И не только потому, что в новой пятилетке страна наша будет вести строительство с поистине гигантским размахом — возводить города, заводы, фабрики, комбинаты, плотины, электростанции, дома... Слово «строить» стало в нашем языке чуть ли не самым основным: мы строим новую жизнь, новое общество!..

Да, мы — страна строителей, и нет ничего удивительного в том, что миллионы советских людей прямо или косвенно причастны к этой профессии. А мне повезло чуточку больше, чем другим: я в графе «специальность» так и пишу — «строитель».

Впервые я написал это слово в своем заявлении с просьбой принять меня на работу, когда мне было только шестнадцать лет. В ту пору приходилось работать на стройке, занимаясь в школе рабочей молодежи. Доверяли мне тогда, конечно, самую простую работу, но зато свою профессию я изучил, можно сказать, от «а» до «я». Да и место для учебы было у меня подходящее: знаменитые Черемушки, кварталы Песчаных улиц и другие послевоенные новостройки столицы. Я строил дома и в Целинограде и в Сибири. Потом снова вернулся в Москву. А в Москве география новостроек растет, как снежный ком: построили дома в Медведкове — перебираемся в Дегунино, оттуда — в Хорошево-Мневники, затем Свиблово... И с каждой новой стройкой — новые изменения. То прибывают новые механизмы, то проект дома меняется, квартиры становятся удобнее, просторнее.

Общеизвестно, с каким размахом и настойчивостью в СССР решается жилищная проблема. «За пять лет построено более полумиллиарда квадратных метров жилья. Это означает, что в стране как бы заново возведено более 50 крупных городов с миллионным населением каждый». Я, строитель, с чувствами большого волнения и гордости слушал эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Есть тут и мой вклад!

Темпы строительства возросли ныне так, что раньше о подобном и мечтать не приходилось. Сейчас, например, мы возводим многоэтажный дом за 20—30 дней. Вчера бы сказали: фантастика, сегодня говорим: норма. А завтра, в самое ближайшее время, мы должны научиться строить еще быстрее, а главное, добротнее. Качество — это проблема № 1.

Когда речь идет о планах строительства в новой пятилетке сотен тысяч квадратных метров жилья, то я вижу за этой цифрой самые конкретные вещи: панели перекрытий, блоки квартирных секций и в первую очередь лица молодых парней моей комсомольско-молодежной бригады, ребят, готовых выполнить любое задание партии.

Все советские люди,— говорил Л. И. Брежнев,— воспринимают XXIV съезд КПСС как выдающееся событие в своей жизни.... Очень точно, очень правильно это сказано!

Группа делегатов Сахалинской области.

Делегаты из Киргизии.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. XXIV СЪЕЗД КПСС

Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал и член Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, секретарь ЦК СЕПГ, первый секретарь Берлинского окружкома СЕПГ П. Фернер.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании Джон Голлан, Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл и Национальный председатель Компартии США Генри Уинстон.

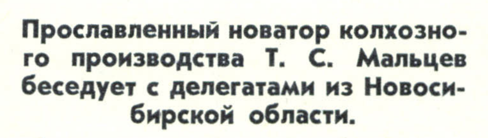

Делегаты из Казахстана.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. XXIV СЪЕЗД КПСС

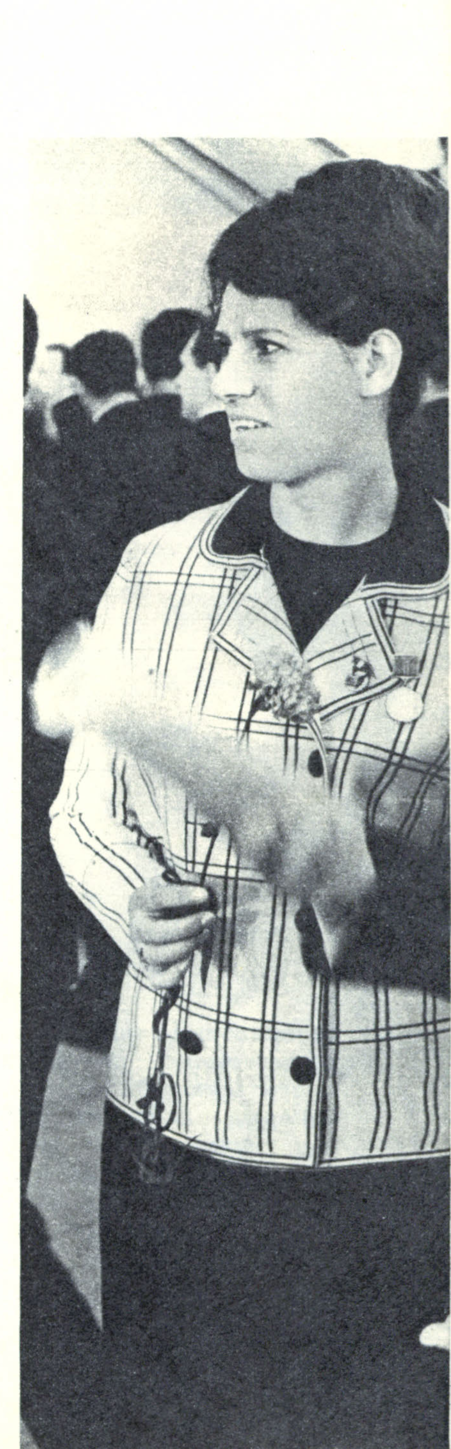
Дальневосточники Л. С. Стельмаченко, бригадир депо станции Первая Речка, и Б. П. Ходарковский, машинист мельницы Спасского цементного завода. ▶

Прославленный новатор колхозного производства Т. С. Мальцев беседует с делегатами из Новосибирской области. ◀

Кинорежиссер Лев Кулиджанов и писатель Георгий Марков. ◀

ЦИФРЫ, ДИАГРАММЫ, ПЛАН...

Степан ЩИПАЧЕВ

Будущее — не каприз погоды,
не мечта, одетая в туман:
это наши завтрашние годы,
это цифры, диаграммы, план.

Пусть в степи еще цветет сурепа,—
если в плане значится, и тут
новую промышленности крепость
корпусами люди возведут.

Пусть свободная течет река,—
если в плане значится, плотина
гребнем каменным по всем глубинам
преградит дорогу на века.

Мы читаем в этой светлой прозе:
жизнь крута — не ждет и не ждала.
У кого-то все приметней проседь
над рабочей строгостью стола.

В дали времени, дерзая, смея,
просится с карандашом рука.
Будущими зорями овеян
незаметный труд плановика.

30 марта 1971 г.

▲ Группа делегатов партийной организации Башкирии.

Киевлянин В. Н. Федоров — персональный пенсионер. Он член партии с 1917 года.

Они из Самаркандской области: Нарбой Иргашев, старший чабан совхоза «Газган», Г. К. Вихляева, ткачиха Самаркандской шелкоткацкой фабрики, Юнус Юсупов, слесарь Катта-Курганского масложиркомбината, Бабашир Шовхиев, механизатор из колхоза имени Калинина. ▶

МОСКВА, КРЕМЛЬ. XXIV СЪЕЗД КПСС

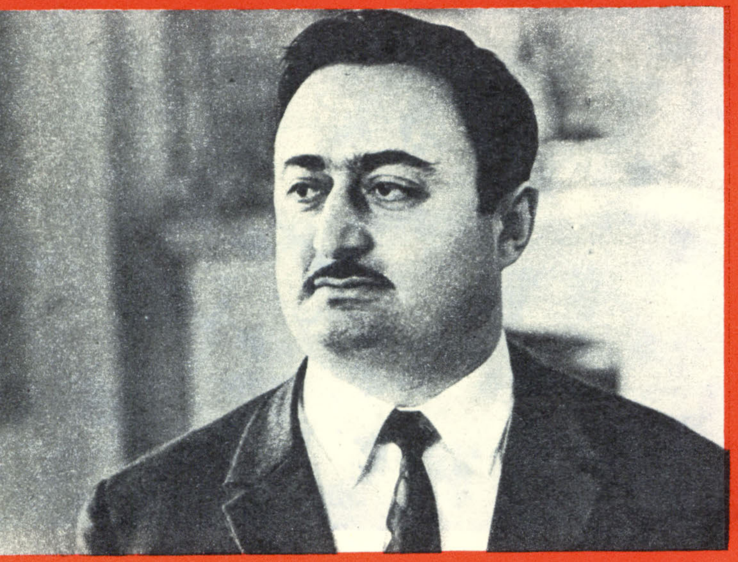
▲ Они делегаты Московской городской организации КПСС: летчик-космонавт СССР генерал-майор Г. Т. Береговой, секретарь Гагаринского райкома КПСС Т. В. Голубцова и секретарь Бабушкинского райкома КПСС А. И. Костенко.

◄ Заведующая фермой колхоза «Путь Ильича» М. П. Евдокимова и помощник бригадира колхоза «Победа» В. Ф. Трубина из Оренбургской области.

► Начальник Главтюменьнефтегаза В. И. Муравленко и начальник управления Главтюменьгеология Ю. Г. Эрвье.

◄ Директор Руставского металлургического завода О. Н. Суладзе.

► Капитан рыболовного сейнера «Калининград» Аральского рыбкомбината Тулеген Алимбетов и чабан колхоза имени Абая, Кзыл-Ординской области, Амангельды Орынбаев.

Аппаратчица Ашинского лесохимкомбината Челябинской области А. Н. Чертанова. ▼

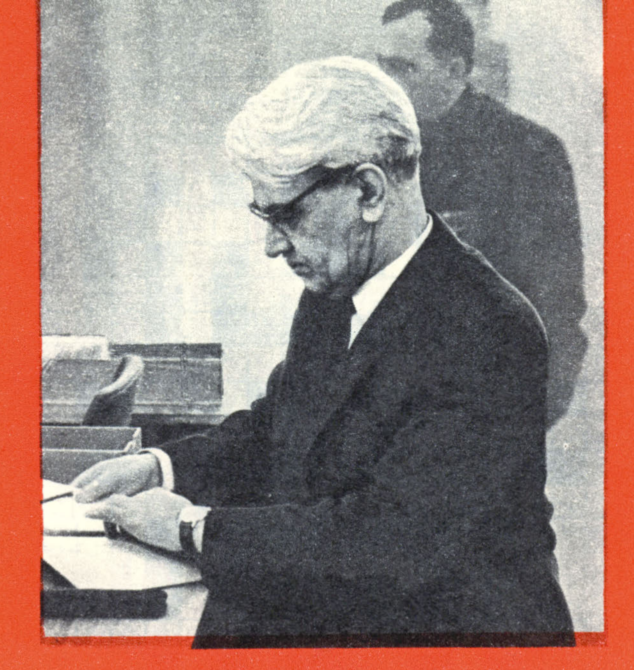

Главный мелиоратор астраханского колхоза «Путь к коммунизму» К. П. Воронова.

Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.

Кемеровская работница Д. К. Мамаева и писатель М. А. Шолохов.

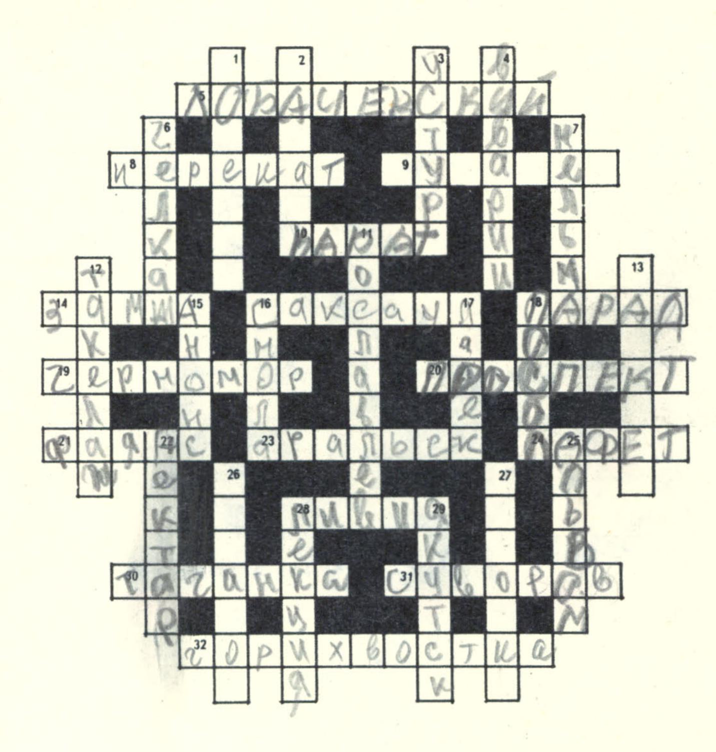

Рабочий Горьковского завода фрезерных станков Н. В. Кирсанов и доярка колхоза «Черновский», Горьковской области, Л. В. Дрожжева—брат и сестра, они оба делегаты XXIV съезда КПСС.

Директор совхоза имени Энбекши, Талды-Курганской области, З. Ж. Тамшибаева (справа) и швея Талды-Курганской швейной фабрики имени XXII съезда КПСС Турар Бостанова.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский математик. 8. Речная мель. 9. Остров в Карибском море. 10. Единица веса драгоценных камней. 14. Мягкая кожа. 16. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 18. Торжественный смотр войск. 19. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила». 20. Широкая городская улица. 21. Вид керамики. 23. Порт на Аральском море. 24. Станок артиллерийского орудия. 28. Государство в Африке. 30. Картина М. Б. Грекова. 31. Русский полководец. 32. Певчая птица.

По вертикали: 1. Зодиакальное созвездие. 2. Французский естествоиспытатель. 3. Пустынное плато между Аральским и Каспийским морями. 4. Помещение для содержания подопытных животных. 6. Рассказ М. Горького. 7. Рыба рода дальневосточных лососей. 11. Неоконченное произведение А. С. Пушкина. 12. Совокупность всех снастей судна. 13. Литовский щипковый инструмент. 15. Объявление о предстоящем спектакле, концерте. 16. Сок хвойных растений. 17. Торговая палатка. 18. Дипломатический ранг. 22. Сахаристый сок медоноса. 25. Тетрадь для рисунков, фотографий. 26. Русский хоровод. 27. Порода собак. 28. Занятие в высшем учебном заведении. 29. Столица автономной советской республики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. «Огородник». 8. Воркута. 9. Инерция. 10. Кадр. 12. Синтаксис. 15. Амга. 17. Шарнир. 18. Апогей. 19. Маргарита. 22. Павиан. 23. Тамара. 24. Кафе. 25. Анималист. 28. Рота. 29. Берлога. 31. Студент. 33. Кириллица.

По вертикали: 1. Волк. 2. Понтон. 3. Ананас. 4. Икар. 6. Сопрано. 7. Пинагор. 11. Амальгама. 12. Стремянка. 13. Амбразура. 14. Сталактит. 16. Грейпфрут. 20. Пиренеи. 21. Амарант. 26. Ингури. 27. Иттрий. 30. Лука. 32. Драп.

На первой странице обложки: Н. Андреев. Портрет В. И. Ленина. Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

На последней странице обложки: Плакат «Серп и молот».
Фото АПН.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/III-71 г. А 00543. Подп. к печ. 31/III-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 652. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 695.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ХОККЕЙ БЕЗ ШАЙБЫ

Олег ШМЕЛЕВ,
Фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

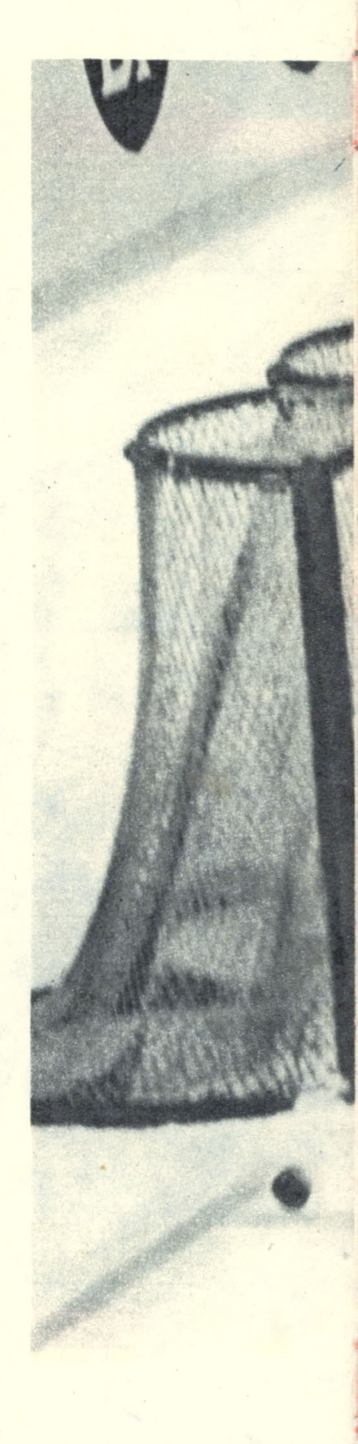

Чемпионат мира переехал 27 марта из Берна в Женеву, где в тот же день начался второй круг, и перемещение это невольно заставило сделать несколько сравнений.

В Женеве все, кроме погоды, шайб, зрителей, не такое, как в Берне. Погода тут и там одинаково холодная, зрители одинаково ждут от хоккеистов красивой игры и побольше шайб — как протокольных, то есть заброшенных в ворота, так и сувенирных, то есть вылетающих на трибуны. На трибунах борьба за шайбу так же бескомпромиссна, как на ледовом поле.

Если же отвлечься от шайб, то разница между Берном и Женевой — следовательно, между первым и вторым кругом — заключается в следующем. Ледовый стадион «Алльменд» в Берне построен весьма оригинально. Круто скошенная полукруглая крыша напоминает берет, низко надвинутый на глаза, и издали стадион смотрит на вас как бы исподлобья. Ледовое поле опущено очень глубоко, метров на шесть ниже уровня земной поверхности, а под ним еще целый лабиринт бетонированных коридоров, разделенных на отсеки толстыми, герметично притертыми металлическими дверями. Свет и воздух, тепло и холод этому современному сооружению обеспечивает его собственная автономная энергосистема.

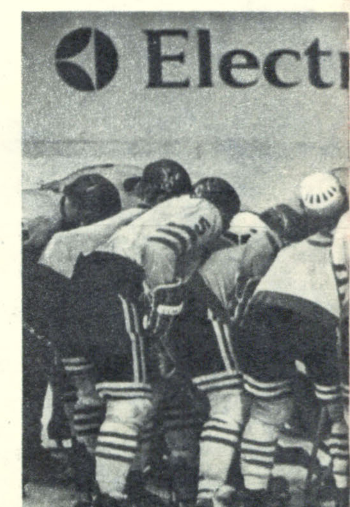
Обдуваемый крепким свежим ветром красивейшего озера в Швейцарии, стадион в Женеве снаружи и внутри выглядит гораздо радушнее. Не то что, как говорится, душа нараспашку, но ощущение некой открытости создается у каждого, кто захочет сравнивать его с «Алльмендом». В этом смысле характерна одна деталь: на женевском стадионе борты, окружающие поле, совершенно прозрачны — они сделаны не из дерева, а из плексигласа. Зрителю видно все до дна.

Тут само собой напрашивается простейшее подобие. Игры первого круга (во всяком случае, большинство игр) носили скрытый характер. Команды старались не обнаружить своих намерений (как будто они неизвестны!). Иногда казалось, что поголовно все хоккеисты, а не только вратари играют в масках. Иные из матчей протекали спокойно, размеренно и скучно, как жизнь обеспеченного банковского служащего. В таких матчах лишь изредка возникала у ворот легкая паника, вроде той, что мы наблюдали в трамвае маршрута № 9, связывающего центр Берна со стадионом «Алльменд». Мы ехали по мосту Корнхауз и были уже в метрах пятидесяти от его плеча, лежащего на правом берегу реки Ааре, когда вдруг раздался громоподобный удар, сопровождаемый ослепительной вспышкой и фейерверком добела раскаленных искр. Моментально обнаружилось, что бернцы обоего пола прекрасно умеют громко кричать, наступать на ноги ближнему и быстро перемещаться. Оказывается, оборвался силовой провод и произошло замыкание на корпус вагона.

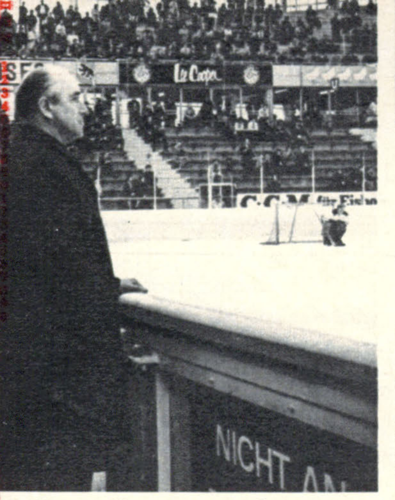
Все обошлось благополучно, никто не пострадал, подобно тому, как при плохой игре остаются в неприкосновенности ворота. Только напористые, быстрые атаки высекали сверкающие искры из фоторепортерских блицев, сосредоточенных за воротами в ожидании острого момента.

Во втором круге все, к своему удовольствию, увидели открытый хоккей. Несмотря на то, что первое место — по набранным очкам, по разнице забитых и пропущенных шайб, по силе игры — авансом отдавалось сборной Советского Союза, напряжение борьбы нарастало от матча к матчу, и в этом нет ничего удивительного. Во-первых, завоевать второе или третье место настолько же почетно, насколько трудно. Во-вторых, сборная команда США, победившая сборную Чехословакии и тем самым смутившая сторонников пресной середины, продолжала в прежнем духе, но это уже был перец совсем иного вкуса. Проигрыш команде ФРГ сделал американцев реальными претендентами на последнюю ступеньку. Так или иначе, но если американцы до конца останутся верны себе, то именно они и уступят свое место команде Швейцарии, которая завоевала право играть в группе «А» на следующем чемпионате. Справедливость требует отметить, что швейцарские болельщики вовсе не злорадствуют по этому поводу. Они спокойны, ибо знают, что для кого-то из двух — сборной США или ФРГ — поезд все равно уйдет. А для сборной Швейцарии плацкарта обеспечена.

Советских туристов, приехавших посмотреть игры второго круга, заботит лишь одно — разница между местным и московским временем. Они очень сочувствуют своим братьям по несчастью — любителям хоккея, которые на родине смотрят матч по телевидению во втором часу ночи по московскому времени. Но что поделаешь, разница во времени существует, и это факт. А что касается хоккея с шайбой, то в этой непостижимой, невероятной игре, обладающей такой околдовывающей силой, все идет как положено — наша команда прочно заняла подобающее ей лидирующее место.

Женева, по телефону.

Старший тренер сборной СССР А. И. Чернышев всегда в игре.

Ворота финской сборной под обстрелом хоккеистов СССР.

Полпреды многомиллионной армии советских болельщиков Ян Спарре и Николай Озеров.

На поле хоккеисты СССР и ФРГ.

Традиционный ритуал шведских хоккеистов перед началом игры.

В вихревом темпе провели американцы свою первую встречу с хоккеистами Чехословакии.

Трубный глас.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.